

Дарья Донцова

Безумная кепка Мономаха

Следствие ведет детектив
Евлампия Романова

Дарья Донцова
Безумная кепка Мономаха
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 18

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131699

Безумная кепка Мономаха: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-14829-9

Аннотация

Просто абсурд какой-то! Вот теперь, когда я, Евлампия Романова – можно просто Лампа – нашла работу в детективном агентстве – приходится умирать со скуки. Нет клиентов, и все! Но я была бы не я, если бы не накликала приключений на свою голову. Моя первая, с таким трудом найденная, клиентка утверждает, что ее муж погиб в автокатастрофе... два раза. Вот мне и придется проверить: так ли это, или меня угораздило связаться с сумасшедшей! Все одно к одному! Кажется, у моего хорошего друга тоже поехала крыша – он решил примерить на себя безумную кепку Мономаха!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	66
Глава 7	80
Глава 8	94
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Дарья Донцова

Безумная кепка Мономаха

Глава 1

Легче всего создаются трудности. Причем в подавляющем количестве случаев человек собственными руками выращивает дерево неприятностей, а когда на нем начинают весело распускаться яркие цветы, усиленно льет в кадку воду и удобрения.

Увы, все вышесказанное стопроцентно относится и ко мне.

Много лет я, Евлампия Романова, ощущала себя лишней на празднике жизни, потом наконец-то обрела семью, совершенно замечательную: подругу Катю, ставшую мне сестрой, кучу детей и домашних животных. К этому подарку судьбы прилагалась и возможность никогда не ходить на службу, так как за хозяйством необходим глаз да глаз.

Все члены нашей огромной фамилии очень любят покушать, и большую часть дня я теперь провожу, приковавшись к плите. Может, кому подобная жизнь и кажется ужасной, но я-то, выросшая единственным, тщательно опекаемым ребенком у сверхзаботливой мамы и более чем тревожного папы, мечтала о многочисленной родне. А еще мне казалось,

что выпекание пирожков, жарка котлет и варка борща невероятно увлекательное занятие.

Но человек крайне противоречивое животное. Любая бродячая собака, попав с улицы в уютную квартиру, где ее мгновенно начали обожать хозяева, легла бы на подстилку в кухне и ощутила полнейшее блаженство. Я же, получив наконец доступ к плите, истово занималась кулинарией... примерно месяц, а затем стала тяготиться ролью поварахи, поняв, что Господь явно имел на мой счет иные планы. С одной стороны, мне очень хотелось, налепив пельменей, плюхнуться у телика с вязанием, с другой – было стыдно не приносить в дом ни копейки.

И Катя, и Сережка, и Юлечка, и Вовка Костин без устали повторяли:

– Лампа, у нас нет особых материальных проблем, будет лучше, если ты стала бы заниматься исключительно хозяйством.

Я соглашалась с членами семьи, но потом в голову пришла интересная мысль: мне надо есть, в смысле питаться. А кто не работает, тот, понятное дело, не имеет никаких деликатесов. Да бог с ней, с черной икрой, опасная, между прочим, для здоровья вещь, овсянка куда более полезна, но только и геркулес в магазине бесплатно не дадут. Хорошо, стоя у плиты, голодной не будешь, но еще нужно одеваться: брюки, свитерок, ботинки. Ладно, я не шмотница, но голой и босой по улицам не пойти.

Кстати говоря, домашние отдают зарплату мне, я планирую расходы, отвечаю за пополнение накопительного фонда, являюсь, так сказать, основным банкиром. Но запустить лапу в заначку, чтобы приобрести себе, допустим, приглянувшуюся курточку, мне стыдно.

А еще у людей случаются дни рождения, на дворе наступают Новый год, Пасха, 8 Марта, 23 февраля, и следует дарить домашним милые сувениры. Ну, не могу же взять Юлечкину зарплату и купить ей на ею же заработанные рубли, допустим, духи. Согласитесь, это смешно!

Впрочем, все вышеперечисленные «занозы» можно было и не заметить, но, бегая с утюгом и веником по дому, я быстро превратилась в «ты бы». Только и слышно было: «Лампа, ты бы сходила за хлебом...», «Лампуша, ты бы купила крем для обуви...», «Лампудель, ты бы погладила мне брюки...», «Ламповецкий, ты бы приготовила холодец...» и так далее. В общем сплошное, «ты бы...», «ты бы...».

Потом возникла еще одна, совершенно парадоксальная ситуация. Вроде сижу день-деньской дома, следовательно, по мнению окружающих, являюсь лентяйкой, ни фиги не делаю, и для таких, как я, придуманы сериалы про латиноамериканские страсти. Но знаете ли, мои дорогие, наслаждаться лентами про чужие семейные передраги у домашней хозяйки особого времени нет. Утром вскочила раньше всех, приготовила завтрак, проводила домашних в школу, на работу, помыла посуду, убрала квартиру, сунула белье в сти-

ральную машину, сбегала на рынок, зарулила в супермаркет, приволокла пудовые сумки, разобрала их, распихала пакеты по полкам, приготовила обед-ужин, погладила рубашки и кофточки, пришила пуговицы, плюхнулась в кресло с вязанием в руке, только-только перевела дух и расслабила ноющую спину, как уши уловили звук открывающейся двери и бодрый мужской голос:

– Ау! Есть кто живой? Есть хочу, умираю.

При этом учтите, что в нашей семье нет младших школьников и из моего расписания выпали такие «прелести», как «отвод» сопротивляющегося чада на занятия, «привод» его назад, проверка домашних заданий, поездка с дитяткой в спортивный зал, музыкальную школу, художественную студию, кружок икебаны, танцевальный класс и иже с ними.

Вот он, удел домохозяйки: то, как она испуганной кошкой металась по маршруту школа – магазин – дом – плита – стиральная машина – гладильная доска – школа – дом – кружок мягкой игрушки – репетитор по английскому языку – дом – тетради с заданиями по всем предметам – угол – ремень – магазин игрушек – дом... не видели ни муж, ни свекровь, ни другие родственники. Зато, вернувшись домой, все они приметили вас в кресле у телика и сделали вывод: хорошо живется лентяйке!

Именно поэтому, просуществовав некоторое время домашней хозяйкой, я бросилась искать работу. Ведь, устроившись на службу, я смогу спокойно несколько раз в день пить

чай и кофе, лакомиться тортом, булочками, курить, обсуждать с коллегами модные прибаамбасы и новинки косметологии, сплетничать (поверьте, у несчастной, не служащей нигде женщины времени на сии мелкие радости просто нет!). А потом, заявившись домой, с чистой совестью упаду в кровать, обложусь любимыми детективами и спокойно отвечу на нытье домашних:

– Я работаю, как и вы, почему должна идти заваривать всем чай? Сами постарайтесь. Кстати, мне принесите с вареньем!

Но увы, девушке, имеющей в кармане диплом о высшем музыкальном образовании, в нашем мире перекошенного капитализма в стадии накопления богатства устроиться очень трудно. Кем я только не служила... не стану сейчас перечислять конторы и должности.

В конце концов мне улыбнулось счастье. Зная о том, что Лампа Романова всегда мечтала работать детективом, Володя Костин сжалился и пристроил подругу в агентство, которым руководит мужчина со странным именем Юрий Лисица.

Идя в первый день на работу, я ощущала настоящее счастье, но, когда оказалась на месте, восторга поубавилось.

Детективное агентство располагалось в крошечной комнатенке, на первом этаже некоего НИИ. Ранее институт был престижным местом, а его сотрудники получали хорошую зарплату, но после перестройки учреждение захирело, и директор, дабы не скончаться от голода, начал сдавать в арен-

ду лаборатории и даже отдельные кабинеты. Сейчас то, что осталось от НИИ, ютится на третьем этаже в двух чуланах, а все помещения заняты конторами, вход в бывшую цитадель науки украшают разномастные таблички типа «Натяжные потолки», «Печи и камины», «Оборудование для дайвинга», «Стоматолог», «Анализы за один день», «Педикюр и маникюр» и так далее.

Наше агентство уютно устроилось в самом конце коридора, между туалетом и секс-шопом, поэтому в дверь к бравым сыщикам частенько ломятся растрепанные тетеньки с радостным вопросом:

– А где тут у вас пописать?

Не может наша фирма похвастаться и огромным штатом работников. Собственно говоря, служащих немного, а если честно – совсем мало. Меньше некуда – я одна. Юра является моим начальником. Это все.

Клиентов у нас за три месяца не случилось, зарплату мне дают грошовую, правда, Юрик обещает большой процент, если получит в конце концов заказ и успешно выполнит его. Но пока что о таком заказе ничего не слышно, и я, поджидая клиентов, тихо и мирно сижу в «офисе» с романом Мариной в руках. Одна радость – теперь могу совершенно спокойно читать любимые книги, прерывая упоительное занятие лишь для того, чтобы ответить очумелым согражданам:

– Здесь писать нельзя. Конечно, мне жаль, что не могу вам помочь, но в нашей комнате стоит лишь письменный стол,

унитаз расположен за соседней дверью.

Вот и сегодня, не успел взор уцепиться за страницу, как послышался скрип, а затем смущенное покашливание.

– Туалет дальше по коридору, – машинально сообщила я, не поднимая головы.

Уши ожидали услышать стук закрывающейся створки окосяк, но вместо него раздался довольно приятный баритон:

– Девушка, у вас есть пенис?

Вопрос был настолько неожиданным, что я выронила детектив и уставилась на посетителя. Им оказался мужчина лет тридцати пяти, одетый в милицейскую форму.

– Пенис? – растерянно переспросила я. – Нет, конечно.

– Просто безобразие! – вдруг начал злиться странный визитер. – Только что звонил, спрашивал, имеете ли пенис размера кинг-сайз, пятьдесят сантиметров длиной. Вы заверили: товар в наличии. Я ехал сюда через пробки! Интересное дело! Ведь уточнил, еще черную краску к нему заказал и...

Тут до меня дошло, что представитель правоохранительных органов желает купить в секс-шопе фаллоимитатор, и я быстро сообщила:

– Вы ошиблись дверью. Точка, торгующая игрушками для взрослых, расположена левее от входа в нашу фирму.

– Простите, – осекся мент и повернулся, чтобы выйти в коридор, но меня некстати разобрало любопытство.

– А зачем вам черная краска? – сам собой вырвался вопрос.

Милиционер захихикал:

– Нарисую на, кхм, этом самом, черные полосы и другу подарю на день рождения. Он в ГАИ служит, типа жезла получится. Прикольно, да?

– Ага, – кивнула я, – замечательная шутка, тонкая, интеллигентная. Ваш приятель придет в восторг и встанет с сувенирчиком на перекрестке.

Идиот в фуражке заржал и ушел, я осталась одна и решила выпить кофе. Но увы: оказалось, что он закончился. Придется идти в магазин. Тяжело вздохнув, я пошла к двери, прихватив джинсовую курточку – на дворе август, но на улице жуткий холод, лето вновь обошло Москву стороной.

Через два дома от НИИ расположен огромный торговый центр, там есть и продуктовый отдел, и масса других магазинов и магазинчиков. Торопиться мне было решительно некуда, туалет и секс-шоп люди сумеют найти и без подсказок сотрудницы детективного агентства. К тому же Лисица на данном этапе находится в гостях у очередной дамы сердца.

Юрик у нас – самозабвенный бабник, причем самого отвратительного толка: он мгновенно влюбляется, вспыхивает, словно бенгальский огонь, и через два дня после знакомства предлагает объекту страсти руку и сердце. Не следует думать, что Юрик желает столь нехитрым способом залучить в постель капризничавшую бабенку. Лисица высок ростом, статен, обладает хорошей речью и внешне выглядит, словно помесь оперного тенора с олимпийским чемпионом по гим-

настике. Глупые тетки сами пачками падают к ногам Лисички и складываются в штабеля. Замужество мой начальник предлагает совершенно искренно. В тот момент, когда Юрий шепчет: «Стань моей навсегда», – он глубоко уверен, что и впрямь нашел спутницу жизни.

Заручившись согласием, Юрасик начинает активно готовиться к свадьбе: он знакомится с будущей тещей, причем всегда невероятно нравится ей, начинает ходить в дом на правах официального жениха, покупает белое платье для невесты, заказывает ресторан, оплачивает музыкантов, фотографа, бронирует машины, но... Но до самой церемонии дело никогда не доходит. А все потому, что Юрий на одной из стадий подготовки к главному торжеству жизни встречает либо сотрудницу ЗАГСа, либо официантку, либо продавщицу, либо цветочницу, либо еще кого (сами понимаете, выбор на ярмарке невест практически неограничен, Москва изобилует прелестными свободными женщинами), мгновенно понимает, что совершил фатальную ошибку, и производит рокировку.

Пожалуй, я не стану живописать, как ведут себя отвергнутые невесты. Меня удивляет, что Юрий до сих пор жив, потому что в столице имеется добрая сотня девиц и дам раннего бальзаковского возраста¹, готовых растерзать бывшего

¹ Сейчас, когда люди произносят определение «бальзаковский возраст», они чаще всего имеют в виду дам, перешагнувших пятый десяток, но на самом деле великий французский романист писал о тридцатилетних женщинах.

жениха в лохмотья.

Так вот сейчас Юрчик находится на стадии знакомства с очередной мамой очередной дамы сердца. Он отбыл на фазенду невесты и уже небось жарит шашлык или хвалит посадки будущей тещи, поэтому никто не станет укорять меня за брошенный пост. И вообще, любому служащему положен перерыв.

Успокоив нехоти поднявшую голову совесть, я медленно пошла вдоль витрин, полюбовалась на красивые босоножки, модные свитерочки, джинсы, купила банку хорошего кофе. Потом увидела отдел телевизоров и решила заглянуть в него.

Вчера наша, стоящая на кухне и верой и правдой служившая семье Романовых невеста с каких лохматых времен, «Юность» скоропостижно скончалась. Оплакав телик, мы решили приобрести ему достойную замену с плоским экраном. В моей записке хранится довольно большая сумма – мы копим на дачу, хочется проводить побольше времени на свежем воздухе, – но без телевизора в доме как-то неуютно, вот я и решила просто прицениться, посмотреть на ассортимент.

Едва я вошла в торговый зал, как глаза мои начали усиленно моргать, а к горлу подобралась тошнота. Со всех стен светились экранами разного размера густо, от пола до потолка, натканные телевизоры, и все они демонстрировали одну программу – «Криминальные новости», ежедневное обозрение. Интересно, кто спонсирует подобный показ? Может, ка-

кая-нибудь преступная организация, купив эфирное время в качестве рекламы? Нет, поймите меня правильно, я не осуждаю людей, которые, вооружившись бутербродом с вкусной колбаской, смотрят на трупы и реки крови. В конце концов, у каждого свои удовольствия. Но лично мне приятней читать о выдуманных коллизиях, чем наблюдать подлинный ужас. И как тут выбирать телевизор, если взгляд невольно цепляется за жуткие кадры очередной катастрофы, произошедшей на одной из улиц столицы?

Словно кролик, загипнотизированный взглядом удава, я замерла возле стены, мерцавшей многочисленными экранами. Хорошо хоть звук был приглушен, но все равно речь корреспондента легко разносилась по торговому залу:

– Страшное ДТП случилось только что на Валовой улице...

Я вздрогнула. Надо же, совсем рядом, буквально в пяти шагах от торгового центра, в котором я находилась, дорогая иномарка влетела в стену дома.

– Имя погибшего пока неизвестно, – захлебывался в ажиотаже репортер. – Мы случайно ехали мимо и сами стали свидетелями ДТП. В такси, которое задела иномарка, пострадавших нет. А вот и его водитель! Эй, стойте, скажите пару слов, телезрители хотят узнать...

– Че говорить-то... – хмуро буркнул всклокоченный парень. – Ща я виноватый окажусь, рядом ехал...

– Можете описать случившееся? – начал подпрыгивать от

возбуждения репортер.

– Ну, тащусь себе на зеленый свет. Тихо еду, не лихачу, я ж не отмороженный, как некоторые, у меня в салоне люди сидят, – принялся живописать ситуацию водитель такси. – А тут етот мимо – вжик! Скорость бешеная, небось обкуренный или обожратый, хрен поймешь! И куда деваться? Справа тротуар, слева поток, сам не пойму, как ушмыгнул... Псих меня по касательной задел, прям кино! А потом его от джипа шатнуло и со всей дури о стену дома ломануло. Хорошо, никого не оказалось на тротуаре... У меня вон стекло того, лопнуло... Да, а еще говорят иномарка! В лепешку сплющило!

Раздался натужный, протяжно-звонящий звук.

– А сейчас, – завопил вне себя от восторга репортер, – вы увидите уникальный кадр! Пострадавшего вынимают из разбитой машины... Вот он!

Камера наехала на тело несчастного мужчины, я вздрогнула и зажмурилась.

– Господи, Алеша! – вскрикнул рядом высокий женский голос. – Не может быть!

Чьи-то пальцы судорожно вцепились мне в плечо, я открыла глаза и увидела маленькую, худенькую, почти бестелесную женщину, одетую в мешковатый твидовый костюм, слишком теплый даже для сегодняшнего прохладного дня.

– Это же Алеша... – растерянно повторила она, тыча пальцем в ближайший экран, как и все остальные, демонстриро-

вавший изуродованное тело.

Глава 2

Мне стало душно. Пальцы женщины походили на клещи, с ее лица пропали все краски, губы по цвету сравнялись со щеками, глаза ввалились, нос вытянулся и заострился. Первый раз я видела, чтобы человек столь разительно и мгновенно менялся внешне.

– Это Алеша... – обморочным голосом твердила она, – Алеша... он... он... там...

Я попыталась вывернуться из цепких рук незнакомки, но она держала меня крепко, словно качественная мышеловка глупого грызуна, некстати захотевшего попробовать кусочек ароматного сыра.

– Алеша, Алеша, Алеша... – бубнила тетка, становясь все больше и больше похожей на умалишенную.

– Вы знаете пострадавшего? – осторожно спросила я.

– Да! Это Алеша! Мой муж!

– Господи! – воскликнула тут и я. – Какой ужас!

Женщина покачнулась.

– Помогите! – закричала я, оглядываясь. – Эй, кто-нибудь... Продавец!

От кассы быстрым шагом отошел парень и направился к нам.

– Что стряслось? – спросил он.

– Видите передачу? – нервно воскликнула я.

– И что?

– Это прямой репортаж с Валовой улицы.

– Если я стану целый рабочий день на экраны глядеть, очумею, – весьма разумно сказал юноша.

– Похоже, покупательница узнала в погибшем своего мужа. Ей кажется, что это его сейчас вынули из покореженной иномарки.

Паренек охнул и подхватил тетку под локоть.

– Пойдемте в комнату отдыха, – ласково прогудел он. – Да вы небось ошиблись, все «мерсы» похожи. Водички у нас там попьете и супругу на мобилу звякнете.

Посетительница превратилась в соляной столб. Остановившимся взглядом она смотрела на экран, по которому скакал корреспондент, перечисляя увечья несчастного шофера.

– Она психованная, – наклонившись к моему уху и кивнув на женщину, шепнул парень. – Есть такие, истерички, придумывают всякое... Знаете, у нас в доме одна девчонка живет, так она наврала недавно, будто у нее в авиакатастрофе сестра погибла. Народ жалел ее, прямо плакал, а потом выяснилось – брехня.

– Почему она так поступила? – так же тихо спросила я у продавца, наблюдая за окаменевшей посетительницей.

– А хрен ее знает, – пожал плечами юноша, – небось хотелось внимания. Той девчонке со всего дома еды нанесли и подарков, у нас соседи хорошие.

– Почему вы решили, что там, на мостовой, не ее муж? –

задала я вопрос.

– Так сами гляньте! – пожал плечами и вперил глаза в ближайший экран продавец. – У того бедняги «мерин», похоже, самой последней модификации, жутко дорогой. И костюм непростой. А тетка эта одета с рынка, туфли из дерьма. Не побирушка, конечно, а просто бедная. Ну, не может у мужика с «Мерседесом» такая жена быть! Нелогично! Во, смотрите, какие у него часы...

Я машинально глянула на экран. Камера крупным планом показывала руку погибшего: задравшийся рукав шикарного пиджака, снежно-белая манжета эксклюзивной рубашки, брильянтовая запонка, массивный золотой браслет часов расстегнулся и съехал к пальцам несчастного, явно не знавшего физической работы.

– Подобные «ходики» у нашего хозяина имеются, – вздохнул продавец и уточнил: – У владельца всей сети магазинов. Часики офигенных денег стоят, квартиру можно купить за их цену. Повезло ментам. Сейчас они их стырят и скажут, мол, ничего не было...

– Рука! – вдруг вскрикнула тетка. – Шрам! Алеша! Это он!

Мы с продавцом переглянулись, а бедно одетая женщина, зарывав в голос, побежала на улицу.

– Стойте! – крикнула я и кинулась за ней.

Легче всего создаются трудности. Причем в подавляющем количестве случаев человек собственными руками выращи-

вает дерево неприятностей, а когда на нем начинают весело распускаться яркие цветы, усиленно льет в кадку воду и удобрения. Вы уже слышали от меня эти слова. И я очень хорошо знаю, что все вышесказанное относится ко мне: Лампа Романова – мастер художественных неприятностей, виртуоз попадания в кретинские ситуации. Сейчас следовало, проводив незнакомку глазами, сказать продавцу: «Да уж, в нашей жизни подчас происходят странные вещи. – А потом мигом перевести разговор на иную тему: – Объясните, пожалуйста, разницу между плазменным и жидкокристаллическим экраном, хотим приобрести телик на кухню».

Вот достань у меня ума поступить подобным образом, то, узнав от торговца нужную информацию, вернулась бы назад в агентство и вновь погрузилась в коллизии хорошо написанного детектива. Но я помчалась за плачущей женщиной, выкрикивая на ходу:

– Остановитесь! Не надо бежать к месту аварии!

Стресс придает человеку сил, незнакомка неслась по тротуару со скоростью гепарда, и я, естественно, отстала, домчалась до огороженного красно-белой лентой куска мостовой и тротуара в тот момент, когда несчастная безумная повисла на шее у одного из гаишников с громким заявлением:

– Пустите меня к Алеше!

– Гражданочка, – попробовал разобраться в ситуации патрульный, – изложите требование спокойно.

– Алеша... там Алеша, Алеша... – рыдала тетка.

Я подошла к ошарашенному милиционеру и попыталась внести ясность в происходящее:

– Эта женщина сейчас по телевизору увидела репортаж о происшествии. Вон, смотрите, там корреспондент носится...

– Ну? – насторожился парень.

– Бедняжке показалось, что она знает потерпевшего...

Внезапно женщина прекратила биться в истерике и вполне внятно, нормальным голосом произнесла:

– Меня зовут Алиса Кононова, а там, в машине, мой муж Алексей Кононов. – Но дальше она съехала на какую-то околесицу: – Он умер... есть телеграмма... Полина... уехала... Вера... тоже...

Высказавшись, Алиса Кононова пошатнулась, колени у нее подогнулись, и она села на бордюрный камень. Я попыталась поднять несчастную.

– Встаньте, простудитесь.

– Да какая разница... – равнодушно произнесла Кононова, уронив голову на грудь. – Пусть так!

Патрульный покрутил пальцем у виска, я растерянно пожала плечами.

– Сейчас спрошу у ребят, – решил проявить христианское милосердие парень, – может, документы нашли. Права уж точно должны быть при нем или техпаспорт. Вы тут пока побудьте.

Я опустила на корточки около Алисы:

– Не следует впадать в панику. Скажите, какая машина у

вашего мужа?

– «Четверка», – легко пошла на контакт Кононова, – цвета «баклажан», он ее за две тысячи восемьсот пятьдесят долларов купил, уже не новой.

– Вот видите, – обрадовалась я, – а в ДТП попал «Мерседес» самой последней модели. Кстати, ваш муж не был шофером у какого-нибудь олигарха?

– Он на хлебозаводе работал, – тихо ответила Алиса, – потом торговать пытался, коробейничал, еще на машине «бомбил»...

– Ну, следовательно, сейчас в пластиковом мешке лежит не он, – окончательно обрадовалась я. – У вашего Алеши есть мобильник?

– Был.

– Так позвоните ему скорей, объясните ситуацию. Супруг мигом приедет, и вы утешитесь!

Алиса молча уставилась на меня серыми, блеклыми глазами. Я вздрогнула: во взоре несчастной не было жизни, так «смотрит» на мир чучело животного – вроде зрачок блестит, но души нет, улетела невесть куда. Потом женщина посиленей сжала ручки своей сумочки (я машинально отметила, что у нас совершенно одинаковые ридикюли, просто близнецы) и пожевала губами, будто хотела что-то сказать.

– Наверное, у вас нет своего сотового, – предположила я, так и не дождавшись ее слов. – Возьмите мой. Ну, держите! Не хотите? Ладно, говорите номер, сама наберу!

Больше всего на свете мне хотелось вызвать сейчас сюда супруга сумасшедшей тетки и вручить ему безумную женщину с укоризненными словами: «Как вы могли отпустить ее одну ходить по улицам?»

Алиса кашлянула и мрачно напомнила:

– Мой муж умер.

Мне стало совсем тоскливо. Все ясно, у бедняги болезнь. Не знаю, какая, шизофрения, может быть, или какой другой недуг, разрушающий разум. Я ей ничем не помогу, лишь вызову агрессию своими разумными доводами типа: «Ваш супруг, бывший работник хлебозавода, корабейник и «бомбила», имеющий самый дешевый вариант российского автомобиля, никак не мог оказаться за рулем шикарной тачки, и очень сомнительно, что ему по карману брильянтовые запонки вкупе с великолепным костюмом и роскошными часами, которые стоят во много раз больше «четверки»...»

Только какой смысл вновь заводить подобную беседу? Лучше сейчас дождаться гаишника, попросить его вызвать психиатрическую перевозку, а пока надо соглашаться с безумной. Ну, зачем я побежала за ней? Сейчас бы спокойно пила кофеек в пустой конторе!

– Алеша умер, – монотонно завела тетка.

– Да, да...

– Внезапно.

– Да, да...

– Никто не ждал.

– Да, да...

– Родственников его я не нашла.

– Да, да...

– Полина вроде уехала.

– Да, да...

– Вера с ней.

– Да, да...

– Похоже, ты считаешь меня сумасшедшей, – вдруг усмехнулась Алиса.

– Да, да... – снова машинально кивнула я, но тут же спохватилась: – Что вы, и в голову не приходила подобная мысль!

Алиса поежилась, затем резко встала и заявила:

– Понимаю, звучит по-идиотски, но...

– Как, говорите, зовут вашего мужа? – спросил вынырнувший из-под ленты ограждения гаишник.

– Алексей Петрович Кононов.

– У погибшего в правах стоит Ведерников Константин Олегович, – радостно возвестил мент. – Перепутали вы, жив ваш муж. Купите сегодня бутылку и выпейте, сто лет теперь ваш Алексей Петрович протянет. Примета такая есть: коли человека за покойника приняли, то у него долгая жизнь впереди.

Алиса шагнула вперед.

– Можно посмотреть на труп?

– Зачем?

– Это мой муж!

– Так документики-то... – напомнил мент.

– Думаю, они ненастоящие, – парировала Алиса. – Или он машину украл вместе с чужими правами.

Гаишник начал кусать нижнюю губу.

– А что? Мог украсть? – поинтересовался он спустя некоторое мгновение.

– Запросто, – кивнула женщина. – Алеше любой замок вскрыть – пара секунд. Его соседи всегда звали, если дверь захлопнулась, голыми руками работал.

– Так он что, вор?

– Нет, просто умелец.

– Ну, не знаю... – затоптался патрульный, – не положено это...

Внезапно Алиса повернулась ко мне и вдруг скомандовала:

– Сделай что-нибудь!

Отчего-то приказ не удивил. Я кивнула, вытащила бумажник, выудила оттуда купюру (так называемый «спецталон», который имеют при себе почти все автолюбители, дабы быстро решить проблему в случае нарушения правил дорожного движения), сунула ее менту и сказала:

– Видишь, она не в себе, пусть взглянет на тело. Поймет, что ошиблась, ведь телевизор искажает внешность, и успокоится. Если начальство начнет тебя ругать, скажешь чистую правду: тетка представилась супругой погибшего.

– Ладно, – согласился патрульный, – подныривайте сюда.
Алиса схватила меня за руку:
– Пошли.

Я покорила и, подлезая под красно-белую ленту, отчего-то вспомнила русскую поговорку про кувшин, который повадился по воду ходить, да и голову сломал!

Люди, не сталкивавшиеся с работой наших правоохранительных структур, наивно полагают, что труп, появившийся в центре города, незамедлительно уберут с дороги, асфальт после ДТП с жертвами вымоют, движение восстановят, пешеходы вкупе с водителями избегут стресса, который, естественно, может возникнуть при виде недвижимого человеческого тела.

Ан нет. Кто так думает, глубоко ошибается. У нас в подобных случаях моментально начинается кавардак. У милиции не хватает автомобилей, труповозка занята, а те, кто уже приехал на место происшествия, неведь куда засунули рулетку и теперь судорожно ищут ее... Я бы на их месте давным-давно купила в ближайшем магазине новую и продолжала работу на месте ДТП, но, во-первых, государевы люди без приказа вышестоящего начальства на столь отчаянный шаг не решаются, а во-вторых, кто им потом вернет потраченные средства? Так что у них своя логика.

Сейчас на месте аварии, в которой погиб человек, началась совсем уж бестолковая суета. Если бы на Валовую улицу

прибыла обычная машина ДПС, то парни в форме привычно выполнили бы свою работу, но, судя по всему, в аварии пострадала машина крупной шишки (среди нескольких припаркованных у тротуара покорёженных авто имелаась иномарка с «мигалкой»), и на место происшествия кинулось всякое начальство. Вот оно и раздавало простым сотрудникам указания. Мой друг майор милиции Вовка Костин всегда повторяет в подобных случаях:

– Ой, беда, коли наши шефы активничают, ничего хорошего не выйдет. Налетят, нашумят, поругаются со всеми, а дело стоять будет.

Гаишник подвел нас к месту, где лежало тело, и поманил Алису пальцем:

– Глядите!

Потом он приподнял грязно-серое байковое одеяло, прикрывавшее верхнюю часть трупa. Кононова стиснула мою ладонь и пробормотала:

– Ясно.

– Что тут происходит? – заорал стоявший невдалеке дядька в сером костюме. – Журналисты, да?

Гаишник мгновенно опустил покрывало.

– Нет, нет! – испуганно залопотал он. – Что вы! Тут одна женщина утверждает, что погибший – ее муж.

– Которая? – еще сильнее обозлился мужчина.

– Вон та, – ткнул пальцем в Алису патрульный.

– С ума сойти! – зашипел мужик. – Гони ее в шею! Да обыщи проныру, небось она из «Желтухи», знаем мы их, прохиндеев-журналистов, наврать могут с три короба. Обязательно осмотри бабу на предмет обнаружения фотоаппарата с диктофоном.

Гаишник с сомнением покосился на говорившего.

– Права такого не имею, – вдруг сказал он сурово. – Ничего плохого гражданка не совершила, плакала сильно, вот я и подумал...

– Тебя тут не думать поставили! – завизжал «серый костюм». – Ишь, разговорился... Делай, что велено: в сумочку ее загляни, наверное, там аппаратура и лежит!

– Вы мне не начальник, – хмыкнул гаишник, – на своих слюной брызгайте.

– А ну живо назовись! – покраснел мужик. – Представься по всей форме!

– Николаев Евгений, – заученно ответил патрульный, – сержант.

– Все, теперь безработный, уж я позабочусь о твоём увольнении, – злобно пообещал незнакомец.

– Смотри не лопни от важности! – заржал уже в открытую патрульный. – А то я тут прямо весь перепугался, пойду памперс надену...

Продолжая смеяться, Николаев исчез в толпе, а дядька в сером шагнул к Алисе. Я моментально загородила собой безумную.

– Не трогайте ее!

– Отвали, убогая, – презрительно прищурился хам.

Но я схватила безучастно взиравшую на нас Алису за руку и рывкнула:

– Сам отвали! Бедная женщина не в себе, ей плохо, у нее с головой беда... Если тронете ее хотя бы пальцем, мигом получите в нос!

Нахал неожиданно улыбнулся.

– Уж не ты ли со мной драться надумала? Комар в джинсах...

Я стиснула зубы, а грубиян спокойно продолжил:

– Уводи свою психопатку. Зачем ты ее на улицу вытаскила? Таким дома сидеть следует, за закрытой дверью.

И тут Алиса тихонечко сообщила:

– Там, на земле, мой муж.

– Пошли скорей, – велела я.

– Нет, правда, здесь, под одеялом, лежит мой муж Алексей Петрович Кононов.

– Ох, беда, – вздохнул мужчина. – Чего только психам на ум не взбредет... Паспорт при нем совсем на другое имя.

Глава 3

Несмотря на холодный день, мне стало жарко, потом внезапно заболела голова.

– Уходите, – велел мужчина, – нечего тут стоять!

– Значит, по документам он не Алексей? – растерянно осведомилась Алиса.

– Да, – кивнул дядька.

– Нет! Алеша! – стояла на своем умалишенная. – Кононов!

– Вы ошибаетесь, за рулем «Мерседеса», устроившего тут аварию, сидел некто Ведерников, – попытался вразумить Алису мужчина, неожиданно растерявший недавнюю пещерную грубость.

– Нет, Алеша.

– Да уведи ты ее отсюда... – взмолился мужик, поворачиваясь ко мне. – Можно, конечно, ребятам свистнуть, мигом утянут, так ведь жаль несчастную. Даю тебе две минуты, если не убереешь бабу, пеняй на себя, силком уволокут. Без нее тошно.

Я дернула Алису за рукав:

– Хочешь кофе?

Дурацкий вопрос, но отчего-то именно он пришел мне сейчас на язык. Неожиданно Коконова кивнула:

– Да.

– Видишь, вон там дом?

– Да.

– Пойдем, выпьем горяченького, у меня в кабинете поговорим.

– Здесь мой муж, – упрямо пробормотала Алиса, но с места стронулась.

– Конечно, конечно, – закивала я, подталкивая уже не сопротивляющуюся Алису к бело-красной ленте, – мы просто подождем в спокойном месте, пока закончится суэта. Эй, Николаев Евгений!

Стоявший в оцеплении знакомый сержант повернул голову.

– Чего тебе?

В этот момент в мою спину уперлась крепкая рука, я ощутила тычок и услышала сердитый голос:

– Просто прут и прут! А то не видно, что тут ходить запрещено? Ну, бабы!

– Эй, не толкай ее! – рассердился Николаев. – Она ж тебе не мешает!

Я тоже хотела вслух возмутиться, но в тот момент болтавшаяся у меня на плече сумочка упала на тротуар. Во все стороны веером разлетелись мелочи: губная помада, пудреница, носовой платок, ключи от машины.

– Вот, блин, урод! – в сердцах воскликнул, подходя к нам, Евгений, кивнул мне: – Давай собирай свой хабар, пока не затоптали. Я твою убогую придержу.

– Это мой муж, – упорно повторяла между тем Алиса.

– Точно, – кивнул сердобольный сержант.

– Алеша.

– Стопудово.

– Он умер.

– Угу.

– А теперь погиб.

– И это правильно, – с готовностью вновь согласился Евгений Николаев. – А что, обычное дело, со всяким случиться может. Сначала раз тапки откинул, потом второй, влегкую...

Слушая их идиотский диалог, я быстро собирала выпавшие вещи, думая при этом: так, сейчас приведу Алису в агентство, налью ей кофейку, а потом найду повод и пороюсь в ее матерчатой торбе, сестре-близняшке моей сумки, которую несчастная сумасшедшая сжимает в руке. Наверное, там найдется паспорт, или сотовый, или хоть что-нибудь с адресом, с номером телефона ее родственников. И кому только пришлось в голову отпустить больную женщину в одиночестве бродить по Москве?!

Алиса неожиданно покорно пришла со мной в агентство. Более того, она абсолютно разумно спросила:

– Где тут руки помыть?

– Туалет рядом, – машинально ответила я. И моментально добавила: – Давай провожу!

Внезапно Алиса улыбнулась.

– Думаешь, я из психушки удрала?

– Что ты! – фальшиво завозмущалась я.

Кононова склонила голову набок.

– Нет, я совершенно нормальная, просто в последний год со мной столько всего случилось... И впрямь рехнуться можно. Ладно, завари кофе. И не надо меня сопровождать, сама великолепно все найду.

Пока Алиса приводила себя в порядок, я, наступив на горло своему хорошему воспитанию, порылась-таки в ее ридикуле, но не обнаружила там ничего, способного навести на родственников женщины. Внутри матерчатого мешка не нашлось ни паспорта, ни мобильного, ни ежедневника, лишь кошелек, расческа и растрепанная книжка под бодрым названием «Стань счастливой вопреки обстоятельствам».

Не знаю, какие эмоции испытывают люди, проводящие обыск, комфортно ли они себя чувствуют, вываливая на пол содержимое чужих шкафов и ящиков, но я после копания в сумочке Алисы ощутила огромную вину перед женщиной и, увидав Кононову на пороге, бойко воскликнула:

– Кофеек готов! Но извини, он растворимый.

– Я только его пью, – кивнула Алиса. – У тебя какой? О-о-о! Дорогой! А я беру самый простой, экономлю.

– Печенье хочешь?

– Спасибо, вон то, кругленькое.

– А еще сливки бери. Сейчас в удобной порционной упаковке выпускают.

– Верно, – согласилась Алиса, – много хорошего придумали. Вот тот же кофе растворимый – быстро и вкусно.

У меня имелось иное мнение на сей счет. Впрочем, со словом «быстро» в данной ситуации не поспорить, а вот к вопросу о вкусности и полезности всяких гранул и порошков... Тут лучше не дискутировать. На мой взгляд, растворимый кофе – это таблица Менделеева в одном стакане. Как, впрочем, и всякие супы в пакетах вместе с пюре и «китайской» лапшой. Но злить неожиданную гостью не хотелось, поэтому я просто кивнула.

– Очень удобно утром, – спокойно продолжала Алиса, – перед работой. Обычно ведь спишь до последнего... Ты как, сразу по звонку будильника вскакиваешь?

Я улыбнулась:

– Увы, нет. Слышу треньканье, стукну несчастный механизм по башке, закрою глаза и думаю: «Еще только пять минуточек полежу...»

– Ага, – подхватила Алиса. – А потом глазки-то растопыряются, мама родная! Целый час продрыхла, выходить пора! И давай по квартире метаться, где юбка, блузка...

– А колготки, как назло, рвутся, – dokonчила я.

Кононова усмехнулась.

– Вот-вот, и еще пуговица отлетает, молния на сапоге заедает, кошка голодная орет. Интересно, у всех по утрам такой цирк?

Я кивнула и только сейчас ощутила удивление.

– Ты работаешь?

Алиса прищурилась.

– Отчего такое изумление?

– Ну... э... в общем...

– Я что, выгляжу пенсионеркой?

– Нет, конечно!

– Значит, ты приняла меня за шизофреничку.

– Нет!

– Ой, не ври.

– Правда, правда, – лепетала я, ощущая все возрастающий дискомфорт, – ни на секунду не подумала ни о каких душевных заболеваниях.

Алиса поправила волосы.

– К нам много психов приходит, кое-кто на первый взгляд совсем нормальным выглядит.

– А где ты работаешь?

– В аптеке.

– Понятно. Хочешь еще кофе?

– С удовольствием, очень вкусный.

– Я рада, возьми печенье.

– Вон то, кругленькое, спасибо.

– Еще сливочки, сейчас такие удобные придумали, порционные.

– Ага, очень здорово. И кофе растворимый, быстро и вкусно, в особенности утром.

Я кивнула, наступила пауза.

– Тебе не кажется, что мы уже один раз болтали на эту тему? – пробормотала Алиса. – Глупо выходит.

– Могу предложить чай, – бодро откликнулась я, – цейлонский, сорт «оранж», просто замечательный, отличного качества. Знаешь, чаинки в нем крупные, не пыль. На мой взгляд, цейлонский самый вкусный, индийский пахнет веником, китайский не имеет цвета, а зеленый я терпеть не могу. Кстати, все напитки с ароматизаторами жутко гадкие. Вот, возьмем персик. Сочный, вкусный фрукт, а если в чай...

– Там, на Валовой, на самом деле был мой покойный муж, – вдруг жестко сказала Алиса.

Из моей груди вырвался горький вздох.

– Но, несмотря на явную абсурдность этих слов, я не психопатка, – мирно продолжила Алиса. – Хотя порой в последнее время мне кажется, что я схожу с ума. Очутилась в эпицентре невероятных событий...

Тут дверь открылась, и на пороге возник Юрий.

– Ты не на даче? – удивилась я. – А как же будущие жена с тещей? Эй, что случилось?

Хозяин доплелся до стула, рухнул на него и трагическим шепотом заявил:

– Я труп.

Мы с Алисой переглянулись.

– Для мертвого тела вы крайне бодро выглядите, – отметила Кононова.

– Внешне смотрюсь обычно, – мрачно ответил Лисица, –

но внутри, в душе, пепелище! Господи, наконец-то встретил единственную женщину в своей жизни, вторую половинку, судьбу, любовь и... потерял ее!

– Да в чем дело? – еще больше удивилась я. – Ведь всего пару дней назад ты познакомился с Викой, отправился сегодня к ней на фазенду в самом распрекрасном настроении... Откуда столь упаднический тон? Неужели увидел на грядке другую красотку и не сумел с ней познакомиться?

Юрик метнул в меня убийственный взгляд.

– Как ты можешь предполагать такое? Рядом с Викой любая женщина пугало!

– Ну, спасибо, – усмехнулась я. – Право, очень мило! Давно не слышала столь утонченного комплимента.

Юрик застонал.

– Ой, прекрати! Ты же не женщина, а сотрудница, хороший друг... Ничего сексуального.

– И отлично, – сердито ответила я. – Так ты поругался с Викой? Вот чудеса! Просто новость! Ни разу до сих пор не слышала, чтобы Лисица ссорился с бабами.

Юрасик уронил голову на стол и принялся мычать что-то нечленораздельное.

– Это кто? – тихо спросила Алиса.

– Мое начальство, – пояснила я, – хозяин детективного агентства Юрий Лисица. В принципе нормальный человек, одна беда – неуправляемый Казанова. Впрочем, нет, неправильное сравнение, итальянца волновали лишь сексуальные

утехи, а Юрик – оголтелый Ромео, неистовый влюбленный, вечный жених блондинок. Цирк, да и только!

– Ты хочешь сказать, что эта комната – контора сыщиков? – безмерно удивилась Алиса.

– Ну да, – пожала я плечами.

– Ох и ни фиги себе! – совершенно по-детски воскликнула Кононова.

– Что тебя так изумило?

– Э... не знаю. Недавно по телику опять фильм про Шерлока Холмса показывали, так у него такая уютная квартира, кресла, картины, книги...

Я улыбнулась.

– Конан Дойл ни разу не упомянул, откуда у Холмса деньги. Великий криминалист получал плату за свои услуги, но, думаю, ее не хватило бы на безбедное существование. Скорей всего у Шерлока имелся капитал, вложенный в ценные бумаги, и основатель дедуктивного метода вел жизнь рантье. А у нас с Юриком особых накоплений нет, поэтому сняли помещение подешевле.

– И много клиентов?

– Ни одного, – честно ответила я. – Но скоро придут, мы пока не успели раскрутиться. Вот дадим рекламу и...

– Жизнь закончена, – сообщил Юрасик, к этому моменту оторвавший голову от стола и вперивший взор в пространство перед собой.

– Да что произошло? – в один голос спросили мы с Али-

сой.

Лисица горестно вздохнул и завел рассказ.

Сегодня утром Юрик собрался везти на своей старенькой, но еще вполне бодрой иномарке Вику, новую любовь, и ее маменьку Софью Андреевну в деревеньку с ласковым названием Малинкино, где у вышеупомянутой дамы имелся бесперебойно плодоносящий участок. Вика – маленькая, очень худенькая блондиночка, поэтому Юрасик предположил, что будущая теща по весу чуть больше болонки, но из подъезда, сопя и отдуваясь, вышла тетка совершенно необъятных размеров, килограммов этак на сто пятьдесят, не меньше.

Юрик крикнул, но вслух, естественно, никакого изумления не высказал. Лисица отлично воспитан и понимает, что уж с кем с кем, а с родственниками худой мир во много раз лучше доброй ссоры. И потом, какое ему дело до размеров Софьи Андреевны? Юрасик-то собрался идти в ЗАГС не со слонопотамом, а со стройной, даже хрупкой Викой.

Еле-еле впихнув мамочку на заднее сиденье, Юрасик бодро покатыл вперед. Через некоторое время его организм начал требовать никотина, и мой начальник галантно осведомился:

– Не будете против, если выкурю сигаретку?

– Пожалуйста, – спешно ответила Вика, – мне дым совсем не мешает.

– Мой муж тоже пытался баловаться, – недовольным то-

ном проскрипела Софья Андреевна, — но я его живо отучила. От табачного дыма обои чернеют, потолок сереет, а одеяло с подушками плохо пахнут. Нечего дома грязь разводить. Петька, правда, сопротивлялся, но у меня разговор короткий: взялся за сигарету, мигом по губам разделочной доской получил. Трех раз хватило, чтобы он навсегда о дурацкой забаве забыл. В таком деле главное — настойчивость. Другие жены всю жизнь уговаривают мужа, ноют, плачут: «Дорогой, брось курить, это вредно»... — А я его по сусалам — хлебысть, и своего добила. Но ты, Юра, кури пока, я тебе никакого права замечаний делать не имею, не родственник покамест.

(В этот момент начальственного рассказа я подумала: будь я на месте Юрасика, то, услышав подобное заявление из уст предполагаемой тещи, мигом бы задушила все мысли о женитьбе на Вике. Но влюбленный Лисица похож на токующего глухаря, в момент брачной игры он не слышит и не видит никого, кроме объекта страсти.)

Юрик услышал в словах будущей тещи только разрешение, опустил боковое стекло и закурил. Через некоторое время он привычным жестом выбросил окурок и... раздался дикий вскрик. Оказывается, милейшая Софья Андреевна, сидевшая на самом лучшем месте в автомобиле, то есть непосредственно за водителем, тоже открыла окно, и непотухшая сигарета попала ей прямо в шею.

Мать Вики устроила целое представление. Лисица спешно припарковался и чуть ли не на коленях просил у нее про-

щения. Он и на самом деле чувствовал вину, хотя, если посмотреть на случившееся с другой стороны, окурок не причинил мадам никакого ущерба, просто испугал.

В конце концов Софья Андреевна перестала хвататься за сердце, и путешествие было продолжено. Нельзя сказать, что дорога доставила Лисице удовольствие. Ему пришлось: выключить свою любимую радиостанцию, потому что у Софьи Андреевны болела от музыки голова, не свистеть за рулем, потому что у Софьи Андреевны от свиста болела голова, не разговаривать с Викой, потому что у Софьи Андреевны от болтовни болела голова, не ехать в левом ряду, потому что у Софьи Андреевны от скорости болела голова... Юрасик даже начал слегка нервничать. Но стоило ему бросить взгляд на прелестную блондинку Вику, как он мгновенно забывал про вздорность будущей тещи.

Наконец прибыли в Малинкино, и тут случилась новая беда. Обрадованный окончанием томительного путешествия, Юрик спешно выскочил из автомобиля и привычно захлопнул дверцу. В ту же секунду раздался вопль, напоминавший вой сирены.

А случилось вот что. Софья Андреевна, особа, как все излишне полные люди, медлительная, чтобы подняться с сиденья, ухватила рукой за стойку иномарки, и пальцы дамы оказались в проеме распахнутой Лисицей дверцы. И когда она захлопнулась... В общем, понятно.

По счастью, Малинкино не умирающая в лесах деревень-

ка, а большое село, существующее при огромной, процветающей птицефабрике. Там, конечно же, имеется больница.

Начался второй акт драмы: Софью Андреевну понесли к врачу. Именно понесли, потому что самостоятельно идти дама отказывалась. Робкое замечание Юрика: «У вас же не нога прищепилась», — было перекрыто громовым воплем:
— Воды, умираю!

Вика мухой метнулась по соседям, мигом собралась толпа из мужиков, Софью Андреевну приволокли к доктору, который вынес вердикт: перелома нет, сильный ушиб.

Лисица мысленно перекрестился и решил, что неприятности благополучно закончились. О, как он ошибался!

Глава 4

Держа на весу забинтованную длань, Софья Андреевна села в саду и принялась командовать дочерью и предполагаемым зятем:

– Несите банки из подвала. Налейте воды. Подключите газовый баллон. Подметите дорожки. Живо. Быстро...

Указания раздавались безапелляционным тоном, и Юрасик вновь ощутил себя солдатом-первогодком перед лицом сержанта Краснова, заставлявшего новобранца Лисицу заправлять кровать одной левой рукой, правой отдавая честь.

Но, как говорил великий мудрец, все проходит. Закончился и хозяйственный запал дамы. Она вульгарно проголодалась и велела:

– Тащите стол. Ставьте скамейку. Доставайте еду.

Юрасик с Викторией мгновенно исполнили приказ. Девушка села на высокий пенек, а Лисица и Софья Андреевна устроились на лавочке.

– Ничего по-человечески сделать не можете, – резюмировала вредная карга, оглядев «дастархан». – Юрий, принеси воды!

Тот покорно встал. И что произошло, когда Юрасины восемьдесят килограммов стремительно поднялись со скамьи, представлявшей собой доску, прибитую к двум ножкам? Правильно. Тещины полтора центнера перевесили, и

Софья Андреевна оказалась на земле. Вздыхаясь вверх, свободный конец лавки задел хлипкий стол, и нехитрое угощение посыпалось на орущую даму.

– Мама... – кинулась к туше Вика.

– Меня обожгло картошкой! – выла тетка.

– Так она же холодная, – напомнил Юра.

Софья Андреевна на секунду замолкла и вполне по-человечески спросила:

– Вы ее разве не подогрели?

– Нет, – честно призналась Вика, – решили, и так сойдет, она ведь отварная, можно с подсолнечным маслом...

– А-а-а! – завизжала маменька, на ходу изменив характер своего смертельного увечья: – Я позвоночник сломала!

– Не может быть, – начал успокаивать истеричку Юра. – Земля мягкая, и вы спокойно шевелитесь. Право слово, ерунда! Даже смешно! Давайте просто улыбнемся и снова накроем стол!

Софья Андреевна села, потом прищурилась и заорала с такой силой, что в соседних дворах всполошно залаяли перепуганные собаки.

– Вика-а-а! Я сломала спину, меня парализовало, речь отнялась, а он смеяться хочет! Во-он отсюда! Убирайся!

Юрик вздрогнул. В подобном положении он оказался впервые. Нет, его постоянно донимали кандидатки в тещи, кое-кто из них даже заявлялся к нему домой и пытался драться. В прямом смысле этого слова – руками. Но случа-

лись подобные казусы лишь после того, как Юрасик объявлял:

– Простите, свадьбы не будет.

И, в конце концов, тех разъяренных маменек можно было понять: вроде пристроили дочку, и вдруг такой облом. Тут любая за скалку схватится. Но Вике-то Юрасик не успел насолить, их отношения были в стадии разгорающейся, а не чадающей любви!

– Прочь! – голосила Софья Андреевна. – Меня убило, а он издевается.

Юра в полной растерянности глянул на любимую, и тут Вика, топнув маленькой ножкой, заявила:

– Тот, кто невнимателен к моей маме, не имеет права находиться в Малинкине. Уезжай.

Что оставалось делать Юрику? Он сел за руль и покатил в Москву, переживая доселе неведомые ощущения. Юру никогда не бросали женщины, он привык сам оставлять дам сердца, а тут очутился в неожиданной роли получившего от ворот поворот кавалера. Поэтому сейчас в его душе бушевали обида, недоумение и совершенно детское изумление: как, его, такого замечательного, выставили вон?!

Стараясь не расхохотаться, я предложила своему работодателю:

– Хочешь кофе?

– О чем ты говоришь! – укоризненно воскликнул хозяин агентства. – Жизнь кончена! Какие напитки? Сейчас умру

от переживаний...

– На мой взгляд, сходить в могилу лучше, предварительно поев, – усмехнулась я.

Лисица разинул было рот, но сказать ничего не успел, потому что дверь распахнулась и в комнату влетела прехорошенькая девчушка – светленькая, голубоглазая, одетая в некое подобие юбочки, больше открывавшей, чем закрывавшей потрясающе стройные ножки.

– У вас есть презервативы в виде зайчиков? – прочирикало небесное создание. – Или кошечек. Мне однофигиственно, кто там будет. Собачка тоже подойдет!

Алиса, только что сделавшая очередной глоток, поперхнулась, а я хотела привычно ответить: «Секс-шоп находится за соседней дверью», – но тут в ситуацию внезапно вмешался только что умиравший от горя Юрий.

– Девушка, – ласково прокурлыкал он, – а зачем вам при-бамбасик?

Вошедшая хихикнула.

– У подружки свадьба. Прикольный подарочек! И недорого. Супер!

Лисица бодро встал.

– Действительно, веселая придумка. Пойдемте, покажу ассортимент.

– Вы менеджер? – кокетливо изогнула бровь девица.

«Нет, играющий тренер по сексу», – хотела было ответить я, но, сами понимаете, не произнесла фразу вслух.

– Нам сюда, – подхватил блондиночку под локоток Юрасик, – в коридор и левее.

Когда парочка исчезла, Алиса укоризненно покачала головой:

– Похоже, твой хозяин без комплексов.

– Есть немного, – согласилась я.

– Жаль.

– Чего?

Кононова поставила пустую чашку на стол.

– Дурацкая мысль в голову пришла... Никогда не думала о том, что можно нанять частного детектива, а вот оказалась здесь и подумала: вдруг кто-то разберется в том, что со мной происходит? Вы, наверное, не дорого берете?

– Наше агентство создано для нормальных граждан, – бойко отрапортовала я. – Хотя и не копейки просим, но цены доступные. А в чем суть проблемы? Рассказывай!

Алиса поправила волосы.

– Да нет, не надо, домой пойду.

Но мне очень хотелось заполучить клиентку, и я стала соблазнять женщину супервыгодными условиями договора:

– Никакой предоплаты.

– Правда?

– И денег на расходы не надо.

– Почему?

«Да потому, что никто не рвется сюда с заказами», – вот что я могла ответить. Только сообщать правду Кононовой

нельзя, спугну наконец-то возникшую на нашем горизонте клиентку. И никакая она не сумасшедшая, просто разволновалась при виде аварии! Неужели я не сумею сейчас получить заказ? Ей-богу, тупое сидение с книгой и попугайские беседы с невнимательными гражданами о местонахождении туалета и секс-шопа надоели до последней степени. Во что бы то ни стало надо убедить Алису в своей высокой профессиональности!

– Потом, при окончательной расплате, представим счета, – заулыбалась я. – Мы такие клубки задешево разматывали!

– Да?

– Ага, – бодро закивала я. – С любым делом справимся!

– Юрий что-то не показался мне надежным... – с сомнением протянула Алиса. – Бросился за случайной девицей, забыв обо всем! Такой и на работу плюнет при виде бабы.

Я потупилась. Вот это замечание – не в бровь, а в глаз: если в радиусе ста метров замаячит мини-юбка, Юрасик понесется в ту сторону, мигом выкинув из головы любые заботы. Но ведь в агентстве есть еще я – ответственная, трудолюбивая, желающая заработать! Нет уж, Алису упускать нельзя.

– При чем тут Юра? Сама займусь твоим делом.

– Ты? Вот умора!

– Почему? – слегка обиделась я. – Являюсь детективом с огромным стажем. Увы, не имею права рассказывать о всех тайнах, которые раскрыла играючи.

– Извини, пожалуйста, – растерянно бормотнула Алиса. – Думала, ты тут секретарша. Ну, там чай подать или кофе, факс отправить...

Я вздохнула. Вот с последней задачей я точно не справлюсь, у меня со всякой техникой особые отношения. Не очень дружественные. Да и факса у нас, слава богу, нет. Впрочем, компьютера тоже. Раскрытый на столе ноутбук – чистой воды декорация, умная машина давным-давно погибла и реанимации не подлежит, Юрка держит ее в конторе лишь для антуража. А то мы несолидно бы выглядели, теперь ведь у всех имеются компы. Кстати, еще насчет техники: если честно, у нас даже диктофон сломался. Но у клиента не должно быть сомнений ни в процветании конторы, ни в исключительной подготовленности сотрудников.

Я спокойно посмотрела на Алису и тихо сказала:

– Мой внешний вид – маскировка. Сама сообрази, разве можно носиться по улицам с пистолетом в руке? Мне нельзя привлекать к себе внимание.

– Ну-ну... – с сомнением протянула Алиса.

Понимая, что возможная клиентка может выскользнуть прямо из рук и мне тогда снова придется торчать тут в гордом одиночестве, в компании с книгой, я быстро сказала:

– Давай поступим так. Ты расскажешь про свою беду, я, естественно, помогу тебе, а денежные расчеты оставим на потом. Хорошо? Насколько я поняла, ты нуждаешься в поддержке, а рядом никого нет.

Алиса кивнула:

– Верно.

– Тогда начинай! – велела я, сев за письменный стол и для пущей важности опустив крышку ноутбука. – Не бойся, мы тут одни, никаких записывающих устройств не имеется, компьютер я выключила.

– Да? Ну не знаю... А впрочем, что я теряю? В общем, так: ничего противозаконного я не совершила, – пожала плечами Алиса, – просто оказалась в идиотской ситуации. Сегодня на Валовой улице действительно погиб мой муж, Алексей Петрович Кононов. Только... Я похоронила его год тому назад.

Меня снова охватила тоска. Нет, она все-таки психопатка. Случаются подобные сумасшедшие люди: вроде они на первый взгляд нормальны, разговаривают вполне адекватно, босиком по снегу не бегают, гвозди не едят, на прохожих не кидаются. Однако стоит затронуть их фобию – пиши пропало. Очевидно, на моем лице отразились заматававшиеся в голове мысли, потому что Алиса устало произнесла:

– Согласна, звучит по-идиотски. Но это как бы конец истории, то, что я имею на сегодня. А ты послушай с самого начала...

Алиса родилась в самой обычной семье, но когда ее мама с папой были уже не слишком молоды – отцу исполнилось сорок пять, а матери чуть меньше.

Люди, решающие стать родителями в зрелых годах, силь-

но рискуют. И дело даже не в том, что организм женщины уже тяжело переносит беременность и роды, и не в том, что произвести на свет ребенка, больного даунизмом или иной напастью, возрастает пропорционально с возрастом супружеской пары. В конце концов, можно рискнуть. Только ведь дитя еще нужно вырастить! Допустим, все прошло нормально и сорокапятилетние родители порадовались пеленочному младенцу. Но когда отпрыск закончит школу, мамочке с папочкой пойдет уже седьмой десяток. Легко ли на пенсию содержать студента? Либо им придется ломаться, несмотря на возраст, на работе, либо ребенку не видать хорошего образования, и его судьба – бежать после школы на какую-никакую службу, дабы прокормить предков. И не надо тут вспоминать о звездах шоу-бизнеса и актерах Голливуда, становящихся отцами в день девяностолетия. Их-то детям финансовые проблемы не грозят.

Палкин Павел Михайлович был военным, и его мотало по гарнизонам, таскало по необъятной стране из угла в угол. Ну, как тут было думать о том, чтобы завести ребенка? Чаше всего семью Палкиных селили в общежитиях, в скромной клетушке с удобствами в коридоре. Иногда, впрочем, им доставалась и отдельная квартира, но в любой момент могла запеть труба... и тогда Палкины снова хватали чемоданы, узлы, свертки и переезжали к новому месту службы.

Лично мне непонятно, по какой причине служивых людей гоняют туда-сюда. Если человек выучился на танкиста

и прибыл в полк, пусть бы и служил там до пенсии. Он прижился бы, пообвык, в конце концов сам возвел себе дом... Но нет, большинство военнослужащих – настоящие перекасти-поле. Правда, кочевая жизнь не мешает им рожать детей и достойно воспитывать их, но Кира, мать Алисы, была категорически против появления наследников.

– Это ужасно! – говорила она мужу. – Ладно, пока ребенок маленький будет, а когда наступит школьная пора? Из класса в класс перебираться с трудом станет, а какая успеваемость, если сегодня он в одной школе, завтра в другой, потом в третьей. И как ругать его за двойки? Вырастет лоботрясом. Нет уж!

Супруг кивал. Его, как большинство мужчин, отсутствие ребенка не тяготило. Павел Палкин был на хорошем счету у начальства и в конце концов получил назначение в Москву. Тут-то и выяснилось, что Кира беременна. Так на свет появилась Алиса.

Обычно поздние дети превращаются в полноправных королей семьи, но с Алисой подобного не случилось. Папа был строг, требовал от дочери армейской дисциплины и придумал для девочки жесткий распорядок дня.

В шесть утра, несмотря ни на какую погоду (дождь ли, снег, буран, метель, град, цунами, наводнение, иссушающая жара...), Алиса и Павел выходили из подъезда и совершали пробежку, благо дом, где жили Палкины, находился вблизи Тимирязевского леса, и чтобы попасть в зеленый массив,

следовало лишь пересечь железнодорожное полотно. Форма одежды у спортсменов всегда была одинаковой: длинные «треники», кеды и футболка. Правда, если градусник опускался ниже цифры «10», Палкин разрешал дочери набросить курточку, легкую ветровку. Для себя он подобных послаблений не делал. Завершала кросс водная процедура. Павел выносил во двор два ведра воды и сначала опрокидывал одно на голову раздетой до купальника Алисы, а потом обливался сам.

Питалась семья тоже своеобразно. Мяса не употребляли вовсе, так как Павел считал, что животные перед смертью испытывают ужас, отчего в их кровь поступают токсины, отравляющие будущую говядину, баранину и свинину. На курятину правило не распространялось – очевидно, Палкин считал несушку окончательно безмозглым существом, не способным ни на какие эмоции.

Впрочем, и бройлеры на тарелках Палкиных являлись редкостью, в основном готовили крупу и овощи. Рис и гречку запаривали, овсянку просто заливали кипятком. Свеклу, морковь, лук не варили. Их шинковали сырыми или натирали на терке. Сметана вкупе со сливочным маслом и маргарином были изгнаны из рациона, в салаты добавляли растительное масло, совсем чуть-чуть.

Ни сыра, ни колбасы, ни конфет Алиса до похода в школу не видела. Попробовав впервые в столовой сосиски, девочка чуть не скончалась, причем в прямом смысле слова. Снача-

ла незнакомое яство показалось волшебным вкусом, и перwokлашка проглотила его почти не жуя. Но через четверть часа желудок, не приученный к подобной пище, взбунтовался настолько, что девочку отправили в больницу.

Впрочем, идиотская семейная диета была ей привычной, не напрягал и распорядок дня. Алиса всегда бегала кросс, потом шла в школу. После нее делала домашние задания, убирала квартиру, вечером отчитывалась перед родителями с дневником в руке и ровно в 20.00 отправлялась в постель. Бунтовать, топтать ногами, кричать «Не хочу обливаться водой!» или «Купите мне конфет!» Алисе даже не приходило в голову.

Папа был тяжел на руку и скор на расправу, пожаловаться маме тоже казалось страшным – Кира всегда стояла на стороне мужа. И потом, то, что ежедневно проделывается с детства, становится необходимостью. Мы же не рыдаем от мысли, что утром и вечером следует чистить зубы? Просто берем щетку и... А Алиса столь же автоматически носилась по парку.

Намного хуже были сеансы медитации. Раз в неделю, в субботу вечером, часов в шесть, семья Палкиных садилась в кресла. Павел сурово произносил:

– Теперь закрыли глаза и слушаем меня. Вокруг светит солнце, поют птицы... Алиса, что ты ощущаешь?

Будучи крошкой, девочка честно отвечала папе:

– Ничего. Мне холодно и сидеть надоело.

Но потом, поняв, что длительность процедуры напрямую зависит от ее ответов, начала привирать и сообщать нечто типа: «Очень жарко, лежу на пляже».

— Хорошо, — почти ласково говорил Павел. — Теперь на тебя наваливается теплое одеяло, голова тонет в подушке, тело расслабляется...

Обычно уже при этих словах уши Алисы начинали улавливать деликатный храп, издаваемый мамой. Отец тоже затихал, и в гостиной повисала тишина. Девочка осторожно, сквозь небольшую щелку в веках, глядела на родителей и видела: оба спали. Лица старших Палкиных в этот момент теряли жесткость, папины сурово сдвинутые брови разлетались к вискам, мамины всегда стиснутые губы размягчала легкая улыбка. Увидав впервые метаморфозу, случившуюся с предками, Алиса удивилась до крайности, но потом, исподтишка наблюдая за Кирой и Павлом, стала испытывать к ним жалость. У девочки сложилось ощущение, что и папа и мама играют в жизни некие придуманные для себя роли, а на самом деле они беззащитные и несчастные.

Глава 5

Образ жизни, который Павел навязал своей семье, многие называли бы правильным. Занятия спортом, ограничение в питании, отход ко сну в одно и то же время, размеренное существование без особых стрессов... Сейчас люди в разных странах мира пытаются продлить свои годы подобным образом, питаюсь ростками сои и выпивая в немереных количествах зеленый чай. Неизвестно, мечтал ли Павел Палкин дожить до глубокой старости или просто получал удовольствие, «строя» жену и дочь, но только, когда Алисе исполнилось шестнадцать лет, папа умер от инсульта – правильный образ жизни не подарил ему долголетия.

Рыдающая девочка краем уха слышала, как доктор монотонным голосом говорил остолбеневшей Кире:

– И что вы хотели? Нелеченая гипертония, высокий холестерин, камни в желчном пузыре, ишемическая болезнь сердца, в легких какой-то непонятный процесс, язва желудка... Ни одного органа здорового. Он небось пил запоем!

– Даже не прикасался к водке, – растерянно забормотала Кира, – вообще никогда.

Врач хмыкнул:

– Вы могли не знать. Алкоголики очень хитрые. На работе нажрут, скажут жене, что в командировку уехали, а сами в запой ударяются.

– Ну да, – неожиданно кивнула Кира, – Павел часто мотался по стране, работа такая. Хотя точно не скажу, чем он занимался, военный человек, тайну соблюдал. Впрочем, и не поняла бы технических деталей. Муж что-то инспектировал, но он вел абсолютно трезвый образ жизни.

Доктор махнул рукой.

– Понятно, вы просто не знали правду. А я в курсе, каким образом в воинских частях проходят всякие инспекции. Утром покажут двор с выкрашенной травой, потом обед, баня, ну... кхм... Ладно, какой смысл сейчас толковать, что да откуда взялось, когда ваш муж умер.

– Он так заботился о своем здоровье, – ошарашенно протянула Кира. – Зарядка, диета, ни разу спать после десяти вечера не лег. Как же так?

Реаниматолог вытащил сигареты и спокойно парировал:

– Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет. Не знает пока медицина точного объяснения, отчего один гуляет, на все правила плюет и живет чуть ли не два века, а другой над собой трясется и в сорок лет в ящик играет. По мне, так надо меньше заморачиваться тем, как надо жить, а просто жить.

Очевидно, слова доктора сильно повлияли на Киру, потому что она разительно переменилась. Алиса лишь удивилась: мама на следующий после похорон папы день стала совсем другим человеком. Для начала она купила паласы и застелила ими все полы, приговаривая:

– Всю жизнь из-за Павла по голым доскам ходила, теперь хоть перед смертью побалую себя.

Баловать себя Кира принялась постоянно. В холодильнике получили прописку копченая колбаса, сыр, масло, котлеты... Женщину, словно маятник, шатнуло в иную сторону – каша была изгнана из рациона Палкиных навсегда. Мама сняла «учительские» костюмы, которые неизменно носила, да не по году, а десятилетиями. Теперь Кира облачалась в вызывающе короткие платья, кофточки-стрейч, плиссированные мини-юбчонки и лаковые сапоги-ботфорты. Волосы Кира вытравила добела, а лицо принялась густо покрывать макияжем. У Алисы сложилось впечатление, что мамочка, словно маленький ребенок, вырвалась из-под опеки старших и теперь самозабвенно делает все, что ранее запрещалось строгим опекуном.

Ясное дело, что в жизни Киры начали появляться и мужчины. Где мама находила кавалеров, дочь не знала, только все они были словно близнецы: лохматые, гораздо моложе ее, в бесформенных свитерах и с тупой речью малообразованных людей. Очень скоро Кира открыла для себя и алкоголь. Нет, запойной пьяницей дама не стала, на улице в луже не спала, но каждый вечер заканчивался теперь в некогда тихом доме Палкиных распеванием песен.

Алиса не разлюбила маму. Девочка жалела Киру и старалась ей не мешать. Если мать притаскивала очередного мужчину, дочь тихо сидела в своей комнате, зубря анатомию. С

первого захода Алиса не сумела поступить в медицинский институт и решила попасть в цитадель знаний кривым путем – через училище. Она видела: те абитуриенты, которые имели среднеспециальное образование, да еще работали медсестрой в больнице, спокойно прошли на первый курс. Все мысли Алисы были лишь об учебе.

В конце концов девушке удалось осуществить мечту: она обрела диплом. Но в процессе обучения поняла, что карьера терапевта, хирурга или невропатолога ее не привлекает, ей намного интересней работать с лекарствами. И Алиса стала фармацевтом. Сначала она проходила практику в аптеке, потом пришла туда на работу и вскоре стала заведующей.

Тот, кто справил сорокалетие, хорошо помнит, что в прежние времена в аптеках лекарства не только продавали, но и готовили. Терапевты не ленились выписывать сложные рецепты, по которым лично для вас делали необходимое средство. Причем чаще всего стоило оно копеечки. Если меня не подводит память, то за микстуру от кашля (так называемые «капли датского короля») следовало отдать в советские времена десять копеек, а хорошо известная всем тогдашним молодым мамам «серая мазь» от опрелостей и диатеза стоила пятачок. Помогали эти нехитрые снадобья замечательно. Впрочем, имелись и другие, не менее проверенные лекарства: капли Зеленина принимали сердечники, мазь Смородинского служила барьером от вирусных респираторных заболеваний. Да, они не пахли бананом, не обладали вкусом

клубники, но помогали отлично.

Потом настала иная эра, подросло поколение врачей, ориентированных лишь на готовые препараты, и столичные аптеки мало-помалу превратились в обычные торговые точки. Теперь одни магазины имеют на прилавках продукты, другие одежду, третьи посуду, а четвертые лекарства, удивляться тут нечему.

Алисе подобное положение вещей показалось неправильным, и она возродила в своей аптеке провизорский отдел. Палкина, например, советовала молодым мамам:

– Нечего тратить на всякие новомодные штучки, да и толку от них нет. Возьмите-ка лучше нашу микстурку от кашля...

Очень скоро слава о замечательной аптеке разнеслась по городу, и к Алисе стали ездить со всей Москвы. Как правило, коллектив любого учреждения формируется под начальника, вот и здесь вместе с молодой заведующей работали такие же, как она, энтузиастки.

Кроме того, Алиса сделала из своей аптеки этакий центр здоровья. Тут можно было бесплатно измерить давление, узнать вес, получить консультацию некоторых специалистов.

Своей семьи у женщины не имелось, дома вовсе кутила мама, не растерявшая с возрастом желания отрываться по каждому поводу, поэтому неудивительно, что аптека стала для молодой заведующей самым любимым местом на земле, и несколько лет Алиса жила счастливо. Мама веселилась,

дочь ее не волновала, пришла ночевать – хорошо, задержалась на своей круглосуточной службе до утра – еще лучше.

Но вот однажды у Алисы внезапно заболел живот, и, будучи медиком, она сама поставила себе диагноз: аппендицит. Сама и вызвала «Скорую».

Ее удачно прооперировали и положили в палату, где кроме нее находились еще четыре женщины. Через три дня Алиса впала в депрессию: ко всем ее товаркам по несчастью приходили друзья, родные, любимые, приносили подчас идиотские подарки, типа пены для ванны (ну, самая необходимая вещь в муниципальной больнице, где имелся лишь общий душ!) Но дело было не в кретинских подношениях, а в любви, которую выказывали этим женщинам приходившие к ним посетители. Причем необязательно мужчины, мужья (не у всех они, кстати, имелись). Одна лишь Алиса осталась вообще без внимания. Ее навестили всего раз. Прибежала запыхавшаяся Ника, заместительница заведующей, бросила на тумбочку дежурные апельсины и, пробормотав: «Лежи, поправляйся скорей, а то мы без тебя загибаемся», – унеслась на службу.

Днем Алиса делала вид, что поглощена книгами, а вечером стойко изображала сон. Если честно, то после ужина бедной провизорше становилось совсем плохо – соседки по палате начинали сплетничать о своих амурных делах, вспоминали любовников, хихикая, рассказывали о всяких приключениях. Алиса молчала. У нее никогда не было кавале-

ров! Да и где их было взять? В институте девушка слыла синим чулком, да еще и поступила она учиться после того, как поработала медсестрой, следовательно, была старше основной массы сокурсников. Ненамного, всего на четыре года, но восемнадцать лет и двадцать два года – это, согласитесь, большая разница, только после тридцати она как бы сглаживается, становится незаметной. В общем, в институте пары Алисе не нашлось, а в аптеке работали лишь женщины. Правда, среди покупателей часто случались лица противоположного пола, но, как правило, они быстро получали нужные средства и уходили.

В общем, из больницы Алиса вышла, потеряв не только аппендикс, но и душевное равновесие. Впереди маячила карьера старой девы, отдавшей всю себя фармакологии. Конечно, Алиса очень любила свою работу, но теперь ей страстно захотелось простого женского счастья. Стало понятно, что надо искать мужа. А где? Начать ходить по всяким тусовкам, ездить на море, напрашиваться к кому-то в гости?.. Но Алиса не имела огромного круга друзей, к себе ее могла позвать одна приятельница – Лада Добрынина, замужняя дама с четырьмя детьми. Холостых друзей муж Лады не имел, и все их семейные праздники проходили стандартно: супруги Добрынины, Алиса и соседка Лады, тоже одинокая баба.

Но не зря говорят, что судьба, если захочет, то даже на печке тебя найдет.

И вот однажды... Алиса, как всегда, пришла на работу

ровно в восемь и узнала неприятную новость: одна из сотрудниц сломала ногу. Поахав, заведующая встала за прилавок рецептурного отдела, и потек суетливый рабочий день. Люди шли косяком...

– Дайте лекарство от давления, – попросил один толстый дядька.

– Они разные, покажите рецепт, – заученно ответила Алиса.

– У меня его нет, – рявкнул толстяк.

Алиса вздохнула:

– Очень жаль.

– Дайте что-нибудь посильнее! – налился краснотой посетитель. – У меня сто сорок, голова раскалывается, так и умереть недолго!

– Вам следует обратиться к врачу, – попыталась вразумить мужчину Алиса.

– Некогда, продайте таблетки.

– Но сначала хорошо бы выяснить причину недуга, провести обследование!

– Чушь! Я знаю, это у меня от повышенного давления. Сосед пьет, этот... как его... Я тоже слопаю пару таблеточек, и давление нормализуется.

Алиса всплеснула руками.

– Да вы что! Нельзя принимать лекарство, прописанное другому человеку. Соседу помогает, а вам и навредить может. И упаси вас бог проглотить сразу пару пилюль, такое

лечение плохо закончится! Давайте я вам давление измерю, тогда уж и...

– Дура! – затопал ногами дядька. – Склифосовского из себя тут корчит! Да ты кто? Клизма в халате! Прошу у тебе лекарство от давления, так и продавай!

Алиса покачала головой. Она на своем веку немало видела неадекватных людей, поэтому не оскорбилась, а спокойно ответила:

– Ну вот, вы даже название препарата не знаете...

– Зануда, блин! – стукнул кулаком по прилавку толстяк. – Сразу видно – старая дева. Ни один мужик на такую тяготищу и не взглянет...

Внезапно глаза Алисы наполнились слезами – хамоватый посетитель попал в самое ее больное место. Боясь расплакаться на глазах у очереди, провизор дрожащим голосом ответила:

– Мое семейное положение никого волновать не должно. Вот вам лекарство, оплачивайте и уходите.

Толстяк, мигом понявший, что сумел «ущипнуть» несговорчивую аптекаршу, ухмыльнулся и заявил:

– Точно говорят, что все беды у нас от недотраханых баб. Имейся у тебя хоть какой мужик, то с утра бы спокойная стояла и людям улыбалась, а так лаешь, словно собака: гав, гав. А почему? Ясное дело, одна под одеялом ворочалась.

Это было уже слишком, и по щекам Алисы побежали слезы. Обозлившись на себя за проявленную слабость, она от-

вернулась, схватила упаковку бумажных платков и хотела уже уйти в свой кабинет, но ее остановил новый вопль толстяка:

– Эй, ты че? Ну, ваще! Офигел, что ли?

Алиса обернулась. Крепкий, довольно молодой, на взгляд заведующей, мужчина, ухватив толстяка за шиворот, легко волок его к двери, а очередь, затаив дахание, наблюдала за происходящим.

Незнакомец ногой распахнул створку и вышвырнул хама на тротуар, сопроводив действие фразой:

– Только приди еще раз в эту аптеку и посмей обозвать мою жену!

Алиса стала краснее огнетушителя, а бабки, из которых в основном состояла очередь, одобрительно закивали:

– Правильно, так ему и надо!

– Нажрутся и хулиганят...

– Такому не в аптеку идти, а в милицию, на нары!

Незнакомец отошел к витрине, где были выставлены зубные щетки, и начал сосредоточенно изучать ассортимент. Алиса продолжила отпускать старухам таблетки. Руки у нее дрожали, а к голове подкралась мигрень.

Глава 6

Когда в аптеке стало пусто, мужчина подошел к прилавку и улыбнулся.

– Спасибо, что выгнали нахала, – вежливо сказала Алиса, – но вам не следовало называться моим мужем.

– Меня зовут Алексеем, – еще шире расцвел в улыбке мужчина, – а вас Алиса. Может, судьба? Вот зашел сюда случайно и остолбенел. О такой женщине, как вы, я мечтал всю жизнь.

Провизорше стало жарко.

– Откуда вам известно мое имя?

– Так вот ваш бейджик, – засмеялся Алексей. – «Алиса Палкина, заведующая». Думается, «Алиса Кононова» будет звучать лучше. Это моя фамилия.

– Пошутили, и хватит, – попыталась рассердиться провизор. – Что желаете?

Алексей вынул из барсетки коробочку.

– Вот. Знаете такое лекарство?

Алиса кивнула.

– Да, Фемара – препарат, сделанный швейцарской корпорацией «Новартис». Почтенная фирма, производит качественные средства, нареканий на ее продукцию нет. Фемару используют для терапии рака молочной железы, это новое средство. От других препаратов Фемару отличает то, что ее

можно принимать долго, к тому же она помогает и женщинам с прогрессирующим раком молочной железы. Впрочем, извините за лекцию. Вам нужна Фемара?

– Нет, нет, – остановил Алису Алексей, – я хочу вернуть лекарство.

– В каком смысле? – удивилась заведующая. – Медикаменты нельзя снова вернуть в аптеку. На этот счет имеется специальное постановление, могу показать. В нем четко оговаривается момент, что возврат лекарств не может быть произведен. Даже с большой симпатией к вам, никак не могу. Мы работаем в строгом соответствии с законодательством.

– А если бы вы были моей законной женой?

Алиса покраснела по самые уши и сделала серьезное лицо.

– Даже если бы была вашей законной женой.

– Вам так идет быть строгой...

– Не пытайтесь кокетничать. Я действительно вряд ли смогу вам помочь.

– Верю вам, – кивнул Алексей. – Извините меня, сам должен был сообразить! Право, глупо, что пришел в аптеку. Понимаете, живу в коммуналке, с соседкой, вполне еще молодой дамой – ей пятидесяти не сравнялось. Все бы ничего, отношения у нас прекрасные, Елена меня частенько супом угощает...

– Онкология – тяжелый крест, – кивнула Алиса, – но отчаиваться нельзя, наука идет вперед семимильными шагами.

Вот Фемару изобрели, отличное средство, многим помогает, теперь рак не приговор. Но почему вы Фемару вернуть хотите?

– Да нет у Елены никакого рака, – отмахнулся Алексей, – у нее канцерофобия, причем в тяжелой форме. Слышали про такую беду?

– Конечно, – кивнула Алиса, – боязнь онкологического заболевания. Человек скупает всякие лекарства, совсем не нужные ему, глотает пилюли и постоянно проходит множество различных обследований. Самое ужасное в подобной ситуации – большинство таких людей убеждают себя в том, что смертельно больны. Они перестают замечать, как прекрасна жизнь!

– Верно, – согласился Алексей. – Все вы правильно говорите, но дело в том, что Елена в последнее время просто сумасшедшей стала. Позавчера принесла домой упаковок двадцать лекарств, не меньше, – и говорит: «Вот начну пить – и точно не заболею».

– Сочувствую вам, с такой соседкой трудно!

– И не говорите, – пригорюнился Алексей, – у нее вся зарплата на таблетки уходит. Еле-еле уговорил ее их не принимать, оставил лишь витамины. Елена вроде согласилась. Но я же хорошо знаю, что онкологические препараты дороги, вот и надумал вернуть Елене деньги. Собственно, уже вернул, сказав, что отнес лекарства назад в аптеку. Только я и сам небогат, потому решил все же попробовать возместить

потраченное. Да вы гляньте, – уговаривал он сейчас Алису, – упаковки запечатаны, их никто не открывал.

– Хорошее средство, очень кому-то нужное, – вздохнула Алиса. – Но не могу его принять. Даже не просите.

– Ладно, – грустно кивнул Алексей, – если честно, уже в пятую аптеку заглядываю, и везде отказывают.

– Подождите! – воскликнула Алиса. – У меня есть одна постоянная клиентка, Лика Смирнова. У нее больна мама, женщины нуждаются, многого себе позволить не могут... Подарите их бедному человеку, – предложила Алиса, – Фемара там кстати придется, молиться за вас станут. Я вижу, что оригинальная упаковка не нарушена и чек в пакете лежит, но на реализацию взять не могу, а Смирнова была бы счастлива. Так как? Только вам придется ей лично все передать.

– Конечно, конечно, – закивал Алексей, – всегда приятно доброе дело сделать.

– Сейчас позвоню, – обрадовалась Алиса, – Лика мигом примчится.

– Я на работу тороплюсь, – сказал Алексей, – а вечером загляну, около девяти, пусть ваша знакомая в это время придет.

Ровно в 21.00 Кононов снова возник у прилавка. Лика, которая пришла заранее, бросилась благодарить доброго самаритянина. Когда Смирнова, пообещав поставить в церкви свечу за здоровье Алексея, прижимая к груди упаковки с

Фемарой, убежала к больной маме, Кононов вдруг спросил у Алисы:

– Вы уже свободны? Пойдемте в кино...

Через пару недель Алиса не могла понять, как она раньше жила без Леша. Кононов оказался человеком простым, ругастым, ловко управлялся с бытовыми трудностями. Теперь у Палкиных в ванной не капал кран, уютно исправно грелся, телевизор бойко переключался с канала на канал, в туалете больше не рычал бачок. Кавалер не гнушался в семь утра вскочить с дивана, чтобы отвезти Алису на службу, и она теперь не толкалась в вагоне метро, ехала с комфортом в автомобиле, слушая приятную музыку.

За продуктами они ходили вместе: Алиса вышагивала впереди со списком в руке, сзади тянул сумки Леша. А еще он был внимателен, покупал любовнице мелкие, грошовые сувенирчики, вроде керамических статуэток китайского производства. Но ведь, как известно, не дорог подарок, дорога любовь!

А через тридцать два дня после знакомства Алеша произнес фразу, которую многие женщины ждут от своих сожителей годами:

– Дорогая, стань моей женой.

Алиса моментально ответила согласием. Ее не смутило, что жених в данный момент без работы. Кононов долгие годы трудился на хлебозаводе, но потом предприятие захирело и основную часть сотрудников отправили в бессрочный от-

пущ. Но Алеша не пал духом, начал подыскивать новое место, зарабатывая пока на жизнь частным извозом: будущий муж Алисы имел старенькие «Жигули». Не пугало Алису и то, что Леша обретается в коммуналке. У нее-то трехкомнатная квартира, места хватит всем.

И дело стало стремительно идти к свадьбе. Весь более чем узкий круг друзей Алисы одобрил ее выбор. Алеша познакомил будущую жену с двумя своими родственницами – простыми деревенскими бабами Полиной и Верой.

– Родители мои из деревни Волкина. Не «о» на конце, а буква «а», – пояснил Леша, везя Алису на свою малую родину. – И отец, и мать давно покойные, пили, прости господи, без удержу, вот и ушли на тот свет довольно молодыми. Батяню в драке топором убили, а маменька до белой горячки дошумелась. Я по этой причине в рот капли не беру, насмотрелся в детстве. Все сделал, чтобы в Москве устроиться. И ведь повезло, даже комнату получил. Поля мне двоюродная сестра, а Вера тетка, хоть возраст у них примерно один. Дедушка-шалун виноват – шесть раз женился, я потом тебе объясню наши семейные коллизии.

Родственницы приняли Алису радушно, выставили на стол нехитрое угощение, а потом Вера, всплакнув от умиления, благословила пару иконой.

Расписались молодые без особой помпы в районном ЗАГСе, свадьбу играли в небольшом кафе. Все расходы взял на себя Леша, он же настоял на покупке белого платья и фа-

ты для Алисы.

– Глупо, наверное, смотреться буду, – сопротивлялась невеста, – не девочка уже.

Леша обнял любимую.

– Свадьба – такое важное в жизни событие, пусть она станет праздником. Потом детям фотки покажем.

Торжественный день прошел как по маслу. Явились почти все приглашенные, в основном коллеги Алисы, со стороны Алеши присутствовали Поля и Вера, облаченные в неудобные и непривычные им парадные платья. Мужнина родня, стесняясь, преподнесла конверт, в котором лежали... три тысячи долларов.

– Вы с ума сошли, – подскочила Алиса, увидав громадную сумму, – такие деньжищи! Ни за что не возьму.

– Не обижай нас, – тихо прошептала Вера.

– Из всей родни один Лешка у нас остался, копить-то не для кого, – добавила Поля. – А мы хорошо зарабатываем – от фабрики надомницы, платки кружевные вяжем. Их иностранцы знаешь как хватают, не успеваем делать.

В общем, жизнь могла показаться Алисе невероятно счастливой, кабы не Кира. Теща как-то сразу невзлюбила зятя.

Сначала мать Алисы делала вид, что не замечает Алешу, затем начала просто откровенно нарываться на скандал. Она беспрестанно делала мужу дочери замечания, а как только Алиса приходила домой, кидалась к ней и перечисляла все

«безобразия»:

– Отвратительный мужчина! Неаккуратный! Зеркало в ванной забрызгал, носки на пол бросил! Съел весь хлеб! Пил пиво! Как ты могла за такого замуж выйти?

– Мама, – наконец не выдержала и повысила голос Алиса, – оставь нас в покое! Мы с Лешей состоим в законном браке. Я же не делаю тебе замечаний по поводу мужиков, которые по нашей квартире ртами ходят! Если к тебе гости заявляются, а они, между прочим, каждый день тут, я помалкиваю, хоть и не слишком приятно чужие рожи видеть.

Кира растерянно моргнула. До сих пор дочь молча воспринимала все выходки маменьки, а тут вдруг решила оказать сопротивление... И она вдруг заявила:

– Был бы Павел жив, он бы тебя выпорол.

– Ох, мама, – не удержалась от ехидного замечания Алиса, – думаю, и тебе бы досталось! Хоть помнишь, как зовут парня, которого вчера ночевать приводила?

Кира зарыдала и ушла к себе, а Алисе стало гадко: впервые в жизни она так разговаривала с матерью. Вечером, когда домой приехал Алеша, сказала ему:

– Ты уж не обращай внимания на Киру...

– Ерунда, – улыбнулся муж, – моя маменька еще не то творила, я ко всему привычен. Все же попробую с тещей подружиться.

– Боюсь, тебе это не удастся, – грустно покачала головой Алиса, – мама отчего-то стала очень злой.

– Попытка не пытка, может, и получится, – решительно ответил Алексей.

Спустя две недели Кира, совершенно трезвая, заглянула к Алисе в комнату и тихо спросила:

– Ты одна?

Дочь отложила журнал.

– Да.

– Чего не на работе?

– Выходной у меня.

– А... этот где?

– Алеша работает, – мирно ответила Алиса.

– Так его ж с хлебозавода вытурили! – начала ссору мама.

– Верно, – решила не поддаваться на провокацию дочь, – Алеша ищет новое место, а пока, чтобы не быть нахлебником, на машине «бомбит», каждый вечер меньше тысячи рублей не привозит. А вчера вообще сто долларов получил!

– Кто ж ему столько отвалил? – уперла руки в боки Кира. – И за что?

Алиса очень хорошо понимала, что мать привычно ищет повод для скандала и лучше всего прекратить разговор. Но как это сделать? Если не отвечать Кире, уткнуться в журнал, маменька завизжит: «А-а-а! Не хочешь общаться!» Ежели поддерживать беседу, рано или поздно Кира все равно отыщет что-то обидное для себя и вновь разгорится ссора. Впрочем, сейчас мать выглядела трезвой, и Алиса мирно появилась:

– Мужчина из ресторана вышел, не захотел пьяным за руль садиться, а тут Алеша подвернулся. Просто повезло.

– Кому? – поджала губы Кира.

– Алеше.

– Негодяй! Ограбил человека! Надо же, сто долларов взял! Ясное дело, выпивший собой не руководит, а он воспользовался.

– Мама, перестань!

– Нет, я скажу всю правду!

– Лучше иди, посмотри телик.

– Нет, ты будешь меня слушать!

– Я хочу отдохнуть.

– От чего же ты устала, а? Муженька ублажала, да? Ишь, секс-машину нашла! – заорала Кира.

Алиса молча встала, схватила кофту и пошла к двери. Кира побежала следом.

– Ты куда?

– В аптеку.

– Зачем?

– На работу надо.

– Только что ведь сказала: выходной сегодня.

– Забыла об одном деле.

– Врешь! Просто не хочешь с матерью разговаривать!

– Да, – резко ответила Алиса, – именно так.

Она думала, что Кира сейчас оскорбится и уйдет к себе, но матушка встала у двери и, загораживая собой выход, за-

орала:

– Дура! Он тебя обманывает!

– Мама, пропусти.

– И не подумаю! Между прочим, твой Леша ко мне пристаёт. Да-да, так прямо лапы и тянет! Жены дома нет, Алиса-идиотка на работе топчется, а супруг сюда прируливает и ну меня соблазнять!

Алиса безнадежно привалилась к стене. Все понятно, у матери начинается слабоумие. Увы, сия напасть часто подстерегает пьющих женщин.

– Говоришь, он вчера сто баксов вечером заработал? – шипела между тем Кира. – Да они у него еще днем имелись! Заявился в три часа, сел на диване и начал со мной муси-пуси разводить: «Ах, ах, Кирочка, расскажите мне о себе...» И сто баксов в портмоне были!

– Откуда ты знаешь? – вышла из себя Алиса. – Лазила по карманам?

Кира осеклась, но потом решительно продолжила:

– Случайно увидела. А тебе не мать подозревать надо, лучше за мужем проследи. Он ко всем бабам щупальца протягивает, под меня клинья подбивает.

Алиса оттолкнула Киру от двери, выбежала на улицу и до приезда Леша бродила по двору.

– Ты чего гуляешь? – удивился муж.

Жена рассказала ему о скандале.

– Так ведь все правда, – растерянно ответил Кононов. –

Сто баксов мне парень дал в час дня, он пьяный из трактира выпал, уж не знаю, почему в это время нажрался. Отвез я его и решил домой зарулить, чаю попить. Смотрю, Кира злая, надумал к ней подлизаться и затеял разговор, стал про жизнь расспрашивать. Пожилые люди ведь любят подобные беседы. А она взбеленилась, я и уехал снова на заработки. Слушай, а почему у вас семейного альбома нет?

Алиса пожала плечами.

– Папа у меня странный был, фотографироваться не любил. Мама рассказывала, что когда они в Москву перебирались, то ящик потеряли, а там кроме всяких вещей и снимки лежали. Ну, моих бабушек и дедушек. Так что ничего не сохранилось.

– Интересно бы взглянуть, какой он был, твой папа, – протянул Алеша. – Все-таки дед нашим будущим детям. У меня тоже никаких семейных реликвий нет, но мои-то были алко-голиками, ни о чем, кроме бутылки, не думали. Интересно, отчего Павел Иванович фотоаппарата сторонился?

– Я же тебе про него рассказывала, – улыбнулась Алиса, – спорт – диета – работа.

– А где он служил?

Алиса растерялась.

– Ну... военный, а подробностей я не знаю. Слушай, ты уж больше с мамой разговоров таких не веди, она их превратно истолковывает.

– Как скажешь, – кивнул Алеша. – Я ведь и правда просто

хотел подольститься к теще.

Спустя месяц после этой беседы Леша сказал жене:

– Может, нам ребеночка завести? Нехорошо без детей. Ты как, не против?

Алиса засмеялась:

– Очень даже «за», могу перестать таблетки пить.

Алексей оглядел комнату, вздохнул и заявил:

– Нет, пока погоди.

– Почему?

– Посмотри вокруг! Обои отклеились, потолок в разводах, окна плохо закрываются... И стиральная машина на ладан дышит. Разве можно младенца в сарай вносить? Надо сделать ремонт – большой, капитальный. Потом десять лет будем спокойно жить! Купим новый холодильник, сменим плиту, сантехнику, сделаем натяжной потолок...

– Замечательная идея, – одобрила Алиса, – но неосуществимая.

– Почему?

– Где денег взять, а? Не одна тысяча улетит! – вернула она мужа с небес на землю.

Алексей потер шею.

– Есть идея. Продам свою комнату в коммуналке. Ты там ни разу не была и не знаешь, что площадь большая и сама квартира суперская. Ее сейчас один бизнесмен купить хочет, нас с Еленой расселить предлагает. Так вот, возьму свою до-

лю наличкой, переоборудуем вашу площадь и родим мальчика.

Глава 7

Ремонтом Леша занялся лично: сам нанял бригаду из молчаливых украинцев и начал процесс, основательно обустроявая гнездо. Сначала он спросил:

– Вы давно здесь живете?

– А тебе какое дело! – огрызнулась теща.

– Как переехали в Москву, так и вселились, – пояснила Алиса. – Дом тогда почти новым был, папе в нем от работы квартиру дали.

– И ремонт ни разу не делали?

– Нет, – призналась Алиса, – только шкаф папа в передней оборудовал, сам.

– Придется, кстати, его сломать, – с жалостью резюмировал Леша. – Очень уж громоздкий, дверцы здоровенные. Там лучше шкаф-купе сделать, если ты, конечно, не против.

– Поступай как знаешь, – разрешила Алиса.

И Алеша начал действовать. Сил и денег на ремонт он потратил немерено, сменил трубы, проводку, сделал перепланировку, перестелил полы и купил новую мебель. Старые «дрова» и кресла с диванами Алексей вывез в Волкину, подарил родственницам. Квартира приобрела просто шикарный вид. Перед самым последним этапом – окончательной покраской стен и циклевкой пола – Алексей вручил жене и теще путевки в подмосковный санаторий и сказал:

– Устали вы от шума и пыли, отдохните чуток.

Когда женская часть семьи вернулась назад, хоромы предали в полном блеске. Алиса ахнула и бросилась мужу на шею со словами:

– Ну и красота!

Кира же, сложив губы куриной гузкой, прошипела:

– Гостиница! Никакого уюта!

– Мама, – укорила ее Алиса, – открой глаза! Мы никогда так не жили!

– Ясное дело, – кивнула Кира, – не воровали! Откуда деньги?

– Как тебе не стыдно! – обозлилась дочь. – Лучше скажи Леше «спасибо», он так старался!

Теща, не говоря больше ни слова, пошла по сверкающему лаком паркету в свою спальню. Но на ее пороге все же обернулась и вдруг горько произнесла:

– Дура ты. В первого попавшегося мужика вцепилась! Думаешь, он тебя любит? Как бы не так! Знаю, знаю, отчего он стены крушил. Иногда они такое скрывают! Эх, силы не те, иначе б несдобровать тебе, крысытина!

Последняя фраза матери окончательно повергла Алису в шок. Когда Кира исчезла за дверью, спросила у мужа:

– О чем это она?

Алексей обнял жену.

– Сама ж понимаешь, у алкоголиков с башкой беда. Кира все мне намеки делала... Ты на работу уйдешь, мы со строи-

телями начнем стену обдирать, а она вынесет табуретку и сядет посередине комнаты. Я ей говорю: «Кира, тут грязь, пылью надышитесь». А она губу оттопырит и заявляет: «Знаю, знаю, клад ищешь! Фиг тебе! Все обнаруженное – мое».

– Что? – поразилась Алиса.

Алеша засмеялся.

– Твоя мать решила, что я затеял ремонт в надежде какие-то ценности найти.

– Бред! Мы с родителями всю жизнь очень скромно жили. Какие могут быть клады? – вздохнула Алиса.

– В сумасшедшие мозги еще не такая идея влететь может, – резюмировал Алеша. – Ну, хватит о ерунде! Ты на кухню полюбуйся, я достал на распродаже шикарную духовку.

Ночью Алисе не спалось. Новая кровать оказалась слишком жесткой, да еще Леше позвонил постоянный клиент и, пообещав хорошие деньги, попросил отвезти его к четырем утра в аэропорт. Кира же опять привела какого-то мужика, и с новой кухни слышалось нестройное пение.

«Нет, – вдруг подумала Алиса, – хватит. Надо положить мать в клинику. Я хочу родить ребенка и жить спокойно, а с ее выкрутасами тишины не жди!»

Леша приехал домой лишь в восемь – в машине что-то сломалось, пришлось вызывать эвакуатор. Алиса, услышав щелчок замка, выскочила из спальни, поцеловала усталого супруга и, велев тому: «Иди быстро в душ, а я пока завтрак сделаю», – побежала на кухню.

Толкнула дверь и обнаружила Киру сидящей на стуле. Голову непутевая мать уронила на стол, одна из прядей волос попала в консервную банку из-под шпрот, правая рука, отчего-то странно длинная, безвольно свисала вдоль тела.

Дочь горестно вздохнула, подумав: ее решение поместить мать в клинику верно. Ну сколько можно терпеть такое безобразие? Процесс прогрессирует, до сегодняшней ночи Кира, напившись, все-таки ухитрилась добрести до своей спальни, а теперь...

– Мама, – сурово заявила Алиса и дернула пьянчужку за плечо, – немедленно проснись!

Кира молча покачнулась и свалилась на пол. Ее голова повернулась, широко раскрытые, неморгающие глаза уставились прямо на дочь...

Никакого удивления смерть пьяницы ни у врачей, ни у стражей порядка не вызвала. Алисе пришлось честно сказать приехавшим ментам:

– Мама давно закладывала за воротник и приводила домой невесть где найденных кавалеров. Кто у нее был этой ночью, не знаю. Мы не скандалили, я стеснялась соседей, тихонько все шло. Ну, разве что пела она громко... Но никто не жаловался, стены в доме толстые, не современная постройка.

– Все ясно, – подвел через несколько дней итог дознаватель. – В бутылке остались капли: водка фальшивая, дрянь намешана. Много людей от таких напитков отравилось!

Алексей, как мог, утешал жену. Врочем, Алиса не слыш-

ком горевала, с уходом неотвратимо спивавшейся матери жизнь ее стала намного спокойней – никто не затевал скандалов, не дергал Алешу. А он наконец-то нашел работу, причем очень хорошо оплачиваемую. Одна беда – контора, куда брали Кононова, находилась в Подольске, но ведь и дальше поедешь за большой зарплатой.

Утром двенадцатого июня Леша поцеловал жену и воскликнул:

– Ну все, сегодня оформляюсь! Жди вечером с тортом и шампанским. Думаю, теперь можно вернуться к мысли о сыне. Квартира в порядке, я при постоянном окладе.

Алиса ощутила себя невероятно счастливой. Пребывая в состоянии всепоглощающей радости, она отработала день и прилетела домой, где в кастрюле ждало своего часа тесто для пирожков.

Стрелки будильника бодро бежали вперед: семь часов, восемь, девять. Алиса начала испытывать беспокойство, превратившееся к полуночи в тревогу. Леша так и не приехал. Ночь она провела, не выпуская из руки трубку телефона, без конца пытаясь соединиться с мужем, но механический голос упорно талдычил:

– Аппарат абонента отключен или находится вне зоны действия сети.

В десять утра Алиса узнала: Алеша погиб в автокатастрофе.

Следующие дни прошли, словно в тумане, все заботы о

похоронах и поминках взяли на себя коллеги по работе и единственная подруга Лада Добрынина.

Изуродованное тело мужа Алисе не показали.

– Лучше тебе его не видеть, – твердо заявила Лада. – Понимаешь, на месте аварии вспыхнул пожар...

Алиса вздрогнула и кивнула. Очнулась она лишь на девятый день и спросила у Лады:

– Полине с Верой сообщили?

– Нет, – ответила Добрынина.

– Почему? Я вроде просила...

– Извини, – пробормотала подруга. – Вообще-то, я послала своего Ваньку в это Волкино, но он там таких женщин не нашел.

– Не Волкино, а Волкина, с буквой «а» на конце, – схватилась за голову Алиса, но, увидав расстроенное лицо Лады, быстро добавила: – Не переживай, я сама виновата, бормотнула название, ты его и не разобрала.

Через неделю Алиса поехала к родственникам Алексея. Она была в деревне всего один раз и, если честно, после свадьбы особой дружбы с тетками не водила. Ни Полина, ни Вера в Москву не наезжали, Алексей в родные пенаты не катался, отчий дом вызывал у него не самые лучшие воспоминания. Лишь однажды, насколько Алиса помнила, и съездил – когда отвозил туда старую мебель.

Но, несмотря на туманность воспоминаний – ехали ведь с Лешей на машине, и Алиса не слишком следила за дорогой, –

она легко нашла деревеньку. Село оказалось вымершим, избы стояли пустыми. Алиса запуталась в почти одинаковых домиках, многие из которых, как и тот, где она когда-то была, покрывал колер цвета неба. Но в деревне вообще никто не жил!

Алиса прервала рассказ, допила ставший совсем холодным кофе и тихо сказала:

– Понимаешь, они пропали!

– Ничего удивительного, – бодро отозвалась я. – Вполне вероятно, что тетки, раз деревенька захирела, переехали в город.

– Может, и так, но... – протянула Алиса. – Видишь ли, я так и не сумела их найти, они словно в воду канули. В аптеку к нам приходит один постоянный клиент, он крупный адвокат, и я его попросила помочь родственниц Алешиных отыскать. Рассказала, что помнила, о Вере и Полине Кононовых. Он пообещал и не обманул. Знаешь, что выяснилось?

– Нет.

– Вера и Полина Кононовы никогда не жили в Волкине. Там просто не имелось женщин с подобными данными!

Я насторожилась.

– Думаешь, он точные сведения раздобыл?

– Стопроцентно – да. Очень ответственный человек, с огромными связями, не болтун.

– Чудеса, да и только.

– Угу, – кивнула Алиса. – И это еще не все неприятности. После кончины Алеши они на меня дождем посыпались! Сначала вандалы разгромили кладбище, где похоронены мои родители. Уж не знаю, по какой точно причине именно там, в Подмоскowie, нужно было папу хоронить. Когда к нам агент пришла, мама прямо разум потеряла, твердила безостановочно: «Муж хотел в Ларюхине упокоиться. Много раз об этом говорил. И меня после смерти туда положите».

...Полузаброшенный погост никем не охранялся. Впрочем, опасаться мертвецам было нечего – богатых надгробий не имелось, памятников из раритетного розового мрамора не стояло, античных скульптур не маячило. В Ларюхине под железными крестами и фанерными пирамидками мирно ждали Страшного суда жители окрестных деревень. Ни о каких вандалах тут никто не слыхивал, здесь даже не крали с могил бумажные веночки и не уносили нехитрый инвентарь, хранившийся в сараюшке у входа на территорию.

И вдруг случилась беда: хулиганы поломали оградки, везде, где смогли, нарисовали краской свастику и написали лозунг: «Россия – русским». Оставалось лишь удивляться, отчего националисты набросились на Ларюхинское кладбище, почему таблички с фамилиями «Кузин», «Петрова», «Никитин» вызвали гнев новых фашистов. Больше всего досталось той части кладбища, где были похоронены Павел и Кира Палкины. Их могилу просто разрыли! Столь же жестоко поступили и с соседями Палкиных: справа был похоронен

Иван Нефедов, слева Анна Калинина, и оба захоронения тоже раскопали.

Не успела Алиса привести в порядок последний приют родителей и слегка прийти в себя от шока, как произошла новая напасть – в аптеку влезли грабители.

Самым непостижимым образом они выбрали для своей акции наиболее подходящий день – когда на ночь осталась дежурить глуховатая Леокадия Михайловна.

Алиса не раз предупреждала и ее, и других работниц, что спать на ночном дежурстве нельзя, на то у них и круглосуточная аптека, чтобы люди могли получить необходимые лекарства в любое время. Все сотрудницы неукоснительно выполняли правило: читали газеты, книги, а заслышав звонок, спешили открыть окошко в двери, сделанное специально, чтобы не впускать посетителей ночью в зал. (Охранника в аптеке не было. Вернее, ставка-то имелась, и на нее был оформлен сын Леокадии, на самом деле служивший водителем в богатой семье, а его зарплату не слишком высокооплачиваемый персонал аптеки делил между собой, и все были довольны. Впрочем, в обязанности секьюрити все равно не входило бы топтаться в аптеке по ночам.) Алиса сама позаботилась о безопасности: окошко в двери было зарешечено, створка обита железом, а под рукой дежурной находилась тревожная кнопка для вызова, в случае чего, милиции.

Как-то Алисе пожаловались жильцы квартиры, расположенной над аптекой.

– Что у вас там творится? – возмущались они. – Регулярно, раз в неделю, просто шабаш! Крики, шум, музыка...

Заведующая произвела расследование и узнала, что глуховатая Леокадия включает на всю мощь телевизор, стоящий в комнате отдыха.

– Боюсь заснуть, – честно призналась старушка, – вот и гляжу программы. Такой срам показывают! А что делать, смотрю, ведь прямо и тащит в сон!

– Ладно, – кивнула Алиса, – глядите, если вас передачи бодрят, но тихо! А то вы соседям мешаете, да и звонок в дверь не услышите.

Леокадия закивала, и инцидент был исчерпан. Алиса решила, что старушка ее послушалась, и успокоилась, а зря. Спустя примерно месяц после той воспитательной беседы заведующая пришла утром на работу, отпустила зевающую Леокадию домой, открыла свой кабинет и ахнула.

В помещении побывали воры, скорее всего наркоманы. Они ухитрились открыть замок, на который были заперты раздвижные решетки, и влезть в окно. Более того, грабители обнаружили место, куда Алиса клала ключ от сейфа. Кононова не была особо изобретательна и запиховала его в коробочку, доверху наполненную скрепками.

По счастью, в сейфе не хранилось ни наркотиков, ни других «списочных» лекарств, их держали совсем в ином месте. Но, не найдя необходимого, наркоманы озверели и буквально разнесли кабинет на молекулы: разбили, сломали, разо-

рвали, искромсали все, что попало под руку. Из шкафа вытащили справочники и книги, которые читали сотрудницы на ночном дежурстве, переплеты оторвали, страницы превратили в обрывки, дверцы шкафа разрубили, полки искрошили. Так же поступили и с письменным столом, у рабочего кресла и двух стульев изрезали бритвой обивку, вытряхнули наружу весь наполнитель, ковер скатали, паркет расковыряли...

Алиса чуть не умерла до приезда милиции, глядя на все это. И лишь удивлялась, почему Леокадия не слышала шума и отчего молчали соседи.

Очень скоро был получен ответ на все ее недоуменные вопросы. Соседи находились на отдыхе, их квартира стояла пустой, а Леокадия... Оказывается, глуховатая старушка сначала подчинилась заведующей и убавила звук телевизора до минимума, но какой интерес смотреть телик и не понимать, о чем идет речь? Леокадия пригорюнилась, но потом нашла выход: купила наушники и вновь могла слышать речь актеров. И волки были сыты, и овцы целы: соседи получили возможность спать, Леокадия – наслаждаться фильмами.

Наркоманов не нашли. Алиса уволила старуху и сделала в кабинете ремонт. Едва она втащила в него новый рабочий стол, как пришла еще одна беда. Кононова взяла на ставку уборщицы симпатичную девочку Люсю – смешливую, рыжую, всю обсыпанную конопушками. Люсенька пришлась ко двору, ее мгновенно полюбили в коллективе за веселый нрав

и работоспособность. Алиса старательно пестовала новенькую и даже начала обучать ее премудростям провизорского дела, а когда девочка внезапно заболела, поехала к ней домой с нехитрыми подарками.

Адрес Люси Алиса взяла из личного дела. И вот заведующая, не думая ни о чем плохом, позвонила в дверь и сказала открывшей ей девушке, тоже рыжей и веснушчатой:

– Вы, наверное, сестра Люси?

Девушка настороженно бормотнула:

– И чего надо?

– Не бойтесь, я заведующая аптекой, где работает Люсенька, звать меня Алисой Павловной, – решила навести контакт Кононова. – Вот, хотела девочке яблочек передать, пусть выздоравливает, мы ее любим и ждем.

– Па! – закричала вдруг девушка. – Выйди сюда!

В коридор выглянул высокий мужчина.

– Что случилось, Ника? – спросил он.

– Вот, – сбивчиво затараторила та, – тут пришли... Люську ищут...

Хозяин дома мрачно глянул на Алису и пошел на нее тараном:

– Людмила здесь более не живет, нечего сюда таскаться!

И не успела Алиса охнуть, как оказалась за дверью, на лестничной клетке. В полном недоумении заведующая спустилась вниз и села во дворе на скамеечку. В голове толпились всякие мысли: значит, Люся прописана в одном месте,

а живет в другом, в принципе обычное дело...

– Вы и правда из аптеки? – тихо спросил чей-то голос.

Алиса кивнула и подняла голову. Около лавки стояла Ника.

– И Люська к вам на работу напросилась?

– Да, – подтвердила Алиса.

Ника повела глазами по сторонам и нервно зашептала:

– Люська наркоманка, поэтому родители ее из дома выперли. Она сейчас живет на Павелецкой. Только, думаю, зря съездите, небось снова на иглу села.

Алиса поехала по указанному адресу и обнаружила там дикую коммуналку – соседей двадцать, не меньше. В конце длинного коридора нашлась комнатенка, явно служившая некогда чуланчиком при кухне. Там и лежала Люсенька. Заведующая сразу поняла, что девочке очень плохо. Но Люся была не в наркотическом опьянении – ее, похоже, мучило воспаление легких.

Алиса развила бурную деятельность: устроила больницу в больницу, а потом каждый день ходила ее навещать. Через месяц девушка выздоровела, вернулась в аптеку и сказала Алисе:

– С наркотиками покончено. Теперь я учусь в училище и хочу работать.

– Все будет хорошо, – успокоила ее Алиса, – родители тебя простят. Хочешь, поговорю с ними?

Внезапно Люся заплакала и обняла заведующую, из груди

девочки вырвались слова:

– Я плохая... ужасная...

– Ты замечательная, – улыбнулась Алиса, глядя ее по голове. – Ну, оступилась, с кем не бывает...

– Нет, – внезапно перестала рыдать Люсенька, – это вы замечательная, и я никогда, слышите, никогда не сделаю вам плохо! Я объясню, я не стану... я...

– Перестань, – снова погладила ее по голове Алиса, – а завтра не опаздывай на работу.

Люся кивнула и убежала. Больше Алиса ее не видела. На следующий день девочка в аптеке не появилась, а через день заведующей позвонили из милиции и сухо сказали:

– Людмила Корчагина у вас работала?

– Да, а что случилось? – воскликнула Алиса.

– Умерла, – весьма равнодушно сообщил мент, – от героина, передоз. Вы в отделение зайдите, мне вас опросить надо.

Глава 8

Выслушав Алису, я ощутила жалость и воскликнула:

– Ну и досталось же тебе! За один год столько всего!

Кононова прижала руки к груди.

– Такое ощущение, что со смертью Алеши из моей жизни ушла вся радость. Я очень часто обращаюсь к нему мысленно и прошу: «Милый, помоги». Зряшная просьба. Мертвые не возвращаются! Теперь понимаешь, отчего сегодня я чуть ума не лишилась?

– Конечно! На тебя слишком сильное впечатление произвел репортаж с места аварии, – ласково сказала я. – Небось сразу вспомнила супруга, ну и началась истерика. Любая бы на твоём месте самообладания лишилась, такой стресс перенести: и муж погиб, и кладбище разграбили, и аптеку разгромили, и девочка скончалась. Правда, она сама виновата, но ведь от этого не легче.

Алиса на секунду приложила ладони к вискам, потом ровным голосом произнесла:

– Ты не поняла самого главного. Сегодня там, на Валовой, был именно Алеша. Это он погиб в «Мерседесе».

Я набрала полную грудь воздуха и решительно заявила:

– Знаешь, сначала я подумала, что у тебя шизофрения, но теперь понимаю – просто нервы измотаны, вот и чудится всякая ерунда. Извини, конечно, но твой супруг умер год на-

зад, ты его похоронила. Мертвец не способен воскреснуть!

Алиса моргнула, потом очень медленно повернула голову в сторону окна и тихо сказала:

– Я тогда не видела его тело.

– Но тебе выдали свидетельство о смерти!

– Верно, у обгоревшего мужчины нашли права и паспорт на имя Алексея.

– Все правильно, – ласково перебила я собеседницу, – никакой мистики. Тебе надо сейчас поехать домой, выпить валокордин и поспать часок-другой. А впредь никогда не смотри криминальные новости!

– Если я сейчас возьму у тебя твои документы, – размеренно произнесла Алиса, – ну... или просто положу в свою сумочку паспорт на чужое имя, а потом вдруг погибну в какой-нибудь катастрофе, меня примут за другого человека?

Я притихла. А ведь верно! Но уже через секунду на ум пришли иные мысли.

– Ладно, пусть некий человек, отняв у Кононова удостоверение личности и автомобиль, не справился с управлением и погиб на шоссе. Но почему Алексей не вернулся домой? Не сообщил любимой жене о том, что жив?

– Не знаю, – тихим, сухим голосом ответила собеседница.

– Где он жил этот год?

– Не знаю.

– Чем занимался, где работал?

– Не знаю.

– Ладно, пусть он решил бросить тебя, нашел себе другую, более молодую, красивую, богатую... Но почему поступил столь диким образом?

– Не знаю.

– Откуда у малообеспеченного парня роскошный «Мерседес» и рубашка с брильянтовыми запонками?

– Не знаю, – тупо повторила Алиса. – Не знаю!

– Ты же получила свидетельство о смерти?

– Да.

– Паспорт Кононова уничтожили?

– Да.

– И как ему было дальше жить без документов? Он купил фальшивые? Зачем?

– Не знаю.

Внезапно я разозлилась на Алису. Ну нельзя же так тонуть в депрессухе, следует хоть чуть-чуть бороться с разбушевавшимися нервами.

– Почему ты решила, что в «мерсе» был твой Алексей, а? Что навело тебя на эту бредовую мысль? – сам собой вылетел изо рта очередной, не слишком корректный вопрос.

Алиса, будто и не заметив его некорректности, подняла руку.

– Вот тут, на запястье, у Леша имелся шрам. Очень странной формы – круглый, словно браслет. Леша этого шрама стеснялся, – продолжила Алиса, – и всегда часы носил на широком кожаном ремешке, даже на ночь не снимал.

...Она его один раз спросила:

– Ну неужели тебе удобно постоянно в часах ходить? Руку разве не жмет?

Алексей лишь улыбался и отвечал:

– Я привык. Всю жизнь на работу в пять утра вставал и проспать боялся. Иногда проснусь ночью, запаникую: который час? Начинаю по тумбочке шарить: цап, цап, где будильник? Вот и решил, что лучше вообще часы не снимать. Поднес руку к глазам и циферблат увидел.

– Теперь ты на хлебозаводе не работаешь, – напомнила Алиса.

– Привычка – вторая натура, – хмыкнул Алексей. – Ладно, если часы у меня на руке тебя раздражают, могу их на ночь у кровати класть. Но сразу предупреждаю: мне будет очень некомфортно...

– Не надо, – испугалась Алиса, – мне все равно! Думала, тебе лучше без этого широкого браслета.

На том разговор и завершился. В конце концов, у каждого человека свои привычки, и спать с «будильником» на руке – не самая худшая из них.

К слову сказать, Алексей был не по-мужски стыдлив. Он никогда не просил жену потереть ему спину, когда мылся, и никаких веселых игр в душе или при свете пара не устраивала. Муж приближался к жене в полной темноте, да и не был он особо страстным. Если уж совсем честно говорить, то супружеский долг Леша исполнял не чаще раза в месяц. Про-

цесс происходил быстро, почти мгновенно и больше походил на некую медицинскую процедуру, а не на объятия любовников. Но у Алисы, с одной стороны, не имелось никакого сексуального опыта, с другой – она сама не была страстной женщиной, поэтому такое положение устраивало обе стороны. Как говорят в народе, горшок нашел крышку, пара идеально подходила друг другу. Вот почему довольно долгое время Алиса не знала об отметине, которую имел на запястье муж. Правда выяснилась случайно, незадолго до гибели Леша.

Кононовы купили обеденный стол, а доставили его в разобранном состоянии – крышка в одном ящике, ножка в другом.

– Если заплатите, то живо соберу, – предложил грузчик, втащивший в квартиру приобретение.

– Спасибо, сам справлюсь, – покачал головой Леша.

А когда недовольный отказом грузчик ушел, он сказал жене:

– Нечего зря деньги тратить, тут дел на десять минут. Ну-ка, помоги, придержи столешницу.

Алиса вцепилась в тяжелую доску и выронила ее в тот самый момент, когда супруг ковырялся у ножи.

– Вот черт! – выругался Алеша.

– Ой, прости! – испугалась жена.

– Сам виноват, – вздохнул муж. – Ясное дело, тебе не под силу было справиться. Больно, руку ушиб!

В ту же секунду часы с легким стуком шлепнулись на пар-

кет – когда здоровенная столешница, выпав из слабых рук Алисы, ударила Алексея по запястью, кожаный ремешок и лопнул.

– Извини, пожалуйста! – еще больше расстроилась женщина.

– Ерунда, – буркнул Алеша и быстро сунул руку в карман, но Алиса уже успела заметить красный след.

– Ой! – закричала она. – Скорей к врачу!

– Незачем.

– Но у тебя ссадина! Давай хоть йодом смажу.

Алексей попытался переменить тему разговора, однако Алиса весьма настойчиво твердила:

– Нет, нет, надо непременно ехать в травмпункт! Вдруг у тебя перелом?

В конце концов Алеша рявкнул:

– Хватит паниковать! Все в порядке, пальцы шевелятся.

Вот, смотри...

– А это что?

– Шрам, давний.

– Откуда он? – залюбопытничала Алиса.

Алеша замялся.

– Ну, еще с детства.

– Такой странный... круглый, как браслет, – не унималась жена.

Кононов нахмурился:

– Не люблю вспоминать об этой истории.

Обычно Алиса не отличалась любопытством, но на сей раз ее словно черт за язык тянул.

– Милый, – заныла она, – расскажи.

Алексей сдвинул брови и нехотя заявил:

– Отца я своего плохо помню, меня дядька, брат матери, воспитывать пытался. Но он тоже горькую пил, только запоями – месяц трезвый, а два гудит. Цикл он такой себе установил. А я в детстве хулиганистым рос, вечно бедокурил, ну вот один раз Семен не выдержал и в сарае меня запер, а чтобы не сбежал, руки проволокой скрутил.

– Ужас! – прошептала Алиса.

– Да нет, ничего, – пожал плечами Алексей, – бывают в жизни шутки и похуже. А я тогда от скуки спать лег. Проснулся весь в крови – один «наручник» кожу порвал. Испугался сильно и ор поднял. Дядька с ремнем прибежал, хотел мне наподдать, а увидел кровищу – и тоже белый стал.

Алешу отвезли в больницу, врач сильно отругал Семена.

– Вы могли парня без руки оставить! – налетел хирург на переминавшегося с ноги на ногу мужика. – Виданное ли дело, на ребенка проволоку накрутить! Да вас в милицию сдать надо!

Тут уже сам Алеша начал упрашивать доктора не тащить дядю в камеру. Все окончилось благополучно. Семен, испугавшись, больше никогда не наказывал и не бил Алешу, грозил ему издали палкой, да и только. Рука у мальчика работала, пальцы сгибались, остался лишь шрам, тонкий и очень,

на взгляд Кононова, противный.

Алиса вдруг встала, подошла к окну, побарабанила пальцами по стеклу и резко спросила:

– Ты теперь меня понимаешь? Я зашла сегодня в магазин, потому что хотела себе на кухню маленький телевизор купить, совсем недорогой, самый обычный. Уставилась на экран и вдруг вижу – рука Алеши. Его шрам ни с каким другим перепутать нельзя! Так что повторяю в который уже раз: сегодня на Вальной я видела тело моего мужа. И теперь хочу знать: что происходит? Почему погибший имеет документы на имя Константина Олеговича Ведерникова? Отчего Алеша объявил себя умершим? Кто сгорел в его «Жигулях»? Но если Ведерников и Кононов – два разных человека, то почему у них одинаковые шрамы? Я не верю в такие совпадения, шрам, о котором я говорю, это же не след от прививки оспы, который есть у многих. Слишком необычная отметина! Чего молчишь?

– Мне пока нечего тебе сказать, – промямлила я.

– Берешься за дело? – решительно тряхнула головой Алиса. – Очень уж хочется разобраться в происходящем. Гоно-
рар гарантирую.

– Нам надо оформить договор, – решила я приступить к формальностям.

– Да, конечно, – кивнула Алиса.

Я вынула из стола бланк и принялась заполнять его.

– Чего от руки пишешь? – удивилась Алиса. – Напечатай на компе и через принтер выведи. Мы в аптеке всегда так делаем, я совсем отвыкла ручкой пользоваться.

Продолжая аккуратно выводить буквы, я ответила:

– Так надежней, мало ли что настукать можно.

– Ладно, – кивнула Алиса, – делай, как считаешь нужным.

Я сделала вид, что целиком и полностью сосредоточилась на заполнении договора. Ну, не говорить же первой и единственной клиентке агентства горькую правду: в нашей якобы процветающей конторе из офисного оборудования имеется лишь самая простая шариковая ручка и календарь.

Домой я собралась в самом радужном настроении. Наконец-то мне удалось заполучить клиента. Теперь я постараюсь очень быстро разобраться с делом Алисы, возьму с нее сущие копейки и попрошу, чтобы Кононова вручала своим покупателям мои визитки. Пусть положит их на кассе и говорит:

– Евлампия Романова – исключительный детектив! Она мне очень помогла.

В наши времена реклама – это главное. А раз нету денег для покупки газетных полос и времени в эфире, то станем действовать дедовскими методами.

Кстати, Юрий, которому я позвонила на мобильный, отреагировал далеко не по-деловому. Я ему, со счастливым воплем:

– У нас есть работа!

А он заявляет:

– Мне сейчас некогда. Эта девочка, которая хотела купить презерватив в виде зайчика, такая умница. Ее зовут Риточка...

Я швырнула трубку. Все ясно – Лисица опять начал брачные игры. Ну да он мне и не нужен, сама великолепно справлюсь с делом. Итак, с чего начать?

С продуктов! Пусть вам не кажется странным подобное заявление. Просто я сначала решила наполнить домашний холодильник, а уж потом заняться вплотную расследованием, иначе голодные члены семьи станут мне трезвонить на мобильный и гневными голосами вопрошать:

– Лампудель, отчего у нас в доме нет ни крошки хлеба?

И придется, бросив дела, рулить за харчами. Так что лучше я сразу сейчас затарюсь на месяц.

Бодро напевая арию тореадора, я заперла дверь агентства, помчалась в супермаркет и около семи вечера явилась домой, обвешанная пакетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.